

HISTORIA ROSSICA

СЁРЕН УРБАНСКИ

ЗА СТЕПНЫМ ФРОНТИРОМ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-
КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Сёрен Урбански

**За степным фронтиром. История
российско-китайской границы**

«НЛО»

Урбански С.

За степным фронтиром. История российско-китайской границы /
С. Урбански — «НЛО», — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2131-2

Российско-китайская граница – одна из самых протяженных сухопутных границ в мире, однако в современной историографии ей уделяется незаслуженно мало внимания. Пытаясь восполнить этот пробел, Сёрен Урбански в своей книге рассматривает формирование и изменение контуров границы в длительной хронологической перспективе, начиная с XVII столетия – времени существования фронтальной территории без четко установленного размежевания – и заканчивая XX веком, когда линия границы обрела геополитическое значение и превратилась в плотно патрулируемый барьер. Повествуя о повседневной жизни общин на российско-китайском пограничье, автор демонстрирует, как государствам удалось навязать контроль над родственными, культурными, экономическими и религиозными связями по обе стороны границы посредством законодательных мер, депортаций, принудительной ассимиляции и пропаганды. Сёрен Урбански – историк, научный сотрудник Германского исторического института в Вашингтоне и директор его филиала в Калифорнийском университете в Беркли.

ISBN 978-5-4448-2131-2

© Урбански С.

© НЛО

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
ИМПЕРИИ И ЛЮДИ, ФРОНТИРЫ И ПОГРАНИЧЬЯ	9
АРГУНСКИЙ БАССЕЙН	14
Глава 1	21
НАЧАЛО РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ:	24
УСТАНОВЛЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ	
КОЛОНИЗАЦИЯ ФРОНТИРА: ТУНГУСЫ, БУРЯТЫ,	29
СОЛОНЫ И РУССКИЕ НА АРГУНИ	
КАЗАКИ И ЗНАМЕННЫЕ: ДОМОДЕРНЫЕ ФОРМЫ	33
КОНТРОЛЯ ФРОНТИРА	
ПОВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК: ФРОНТИРНЫЙ ОБМЕН	36
И ОПАСНОСТИ ОБШИРНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ	
ГРАНИЦЫ	
ХАЙЛАР И АБАГАЙТУЙ: ДВА ОЧЕНЬ РАЗНЫХ СТЕПНЫХ	41
ФРОНТИРНЫХ ПОСЕЛЕНИЯ	
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сёрен Урбански

За степным фронтиром. история российско-китайской границы

БЛАГОДАРНОСТИ

Детские воспоминания о жизни у железного занавеса разожгли мой интерес к этой теме. Продолжительная железнодорожная поездка из Берлина в Пекин в 2002 году раскрыла мои глаза. Выйдя из поезда для перехода границы в Китай на последней станции на российской территории в Забайкальске, я понял – именно этот пыльный городок станет предметом моего исследования. Таким образом, эта книга стала проектом, на развитие и завершение которого потребовалось много лет. В ходе работы над ней я получил огромную поддержку и множество советов.

Я глубоко признателен двум моим научным руководителям. Наставничество и поддержка Юргена Остерхаммеля в Констанцском университете были бесценны и расширили мой кругозор, позволив взглянуть за пределы евразийских горизонтов. Карл Шлэгель, мой учитель и источник вдохновения со студенческих лет, проведенных во Франкфурте на польской границе, научил меня всегда сохранять любопытство и думать о том, как детали сплетаются в общую картину. Я очень благодарен четырем другим ученым, которые обеспечили меня дельными советами, мотивацией и нескончаемой личной поддержкой. Сабине Дабрингхаус на ранней стадии проекта предложила мне прочитать лекции по китайской истории в университете Фрайбурга, предоставив при этом возможность работы как в поле, так и в библиотеке. Франк Грюнер навел меня на многие мысли, изложенные в этой книге. Я непомерно обязан нашему Харбинскому кружку в Гейдельбергском университете. Пригласив меня преподавать российскую историю в Мюнхенском университете им. Людвига и Максимилиана, Андреас Реннер дал мне возможность обратиться к моим славянским корням и продумать план дальнейшей работы. Кэролайн Хамфри поделилась глубоким знанием региона и антропологической перспективой, позволив мне завершить проект и превратить его в книгу в Кембриджском университете.

Я чрезвычайно признателен Михелю Абессеру, Лизе Фурхтготт, Эшли Гоник, Вилларду Сандерленду, моему брату Генрику, а также анонимным рецензентам за внимательное чтение рукописи на разных стадиях ее развития, за комментарии и советы. Также я хочу поблагодарить друзей, коллег и исследователей, которые поделились своими ценными мыслями, дали советы или оказали другую поддержку: Феликса Акерманна, Надин Амслер, Йорга Баберовски, Ольгу Михайловну Бакич, Франка Бийе, Себастьяна Конрада, Виктора Иннокентьевича Дятлова, Элизабет Энгель, Викторию Фреде, Арунаба Гоша, Йорна Гаппела, Сусанну Холер, Микко Хуотари, Акихиро Ивасита, Яна Янсена, Роберта Киндлера, Томаса Лахузена, Дэвида Лазара, Хайнса-Дитриха Лёве, Лоренца Люти, Зильке Мартини, Норихиро Наганава, Юлию Обертрайс, Сергея Радченко, Анну Клару Шендерлеин, Вана Шо, Мирьям Шпрау, Ричарда Ветцела, Давида Вулфа и Росса Йелси. Исследовательскую работу для этой книги я провел в трех дюжинах архивов и библиотек в семи странах мира, сотрудники этих учреждений значительно упростили мою задачу. Я хочу сердечно поблагодарить также моих коллег и друзей в Китае и России за то, что они делились со мной информацией, своим уникальным видением явлений, знакомствами и временем, всем тем, что сделало мою полевую работу не только интересной, но и приятной. Отдельно я хотел бы поблагодарить Елену Евлампиевну Аурилене, Наталью Анатольевну Беляеву, Чэна Кайгэ, Владимира Григорьевича Дацышена, Евге-

ния Викторовича Дроботушенко, Андрея Владимировича Доронина, Татьяну Павловну Филобок, Александра Владимировича Фролова, Хуанга Дингтияна, Любовь Алексеевну Кувардину, Александра Георгиевича Ларина, Виктора Лаврентьевича Ларина, Ли Телиня, Александра Владимировича Попенко, Шэня Чжихуа, Ивана Валерьевича Ставрова, Су Фэнлиня, Александра Петровича Тарасова, Анатолия Владимировича Таухелова, У Теина, Сюя Чжансиня, Ян Чена, Ольгу Владимировну Залесскую и Игоря Газиевича Балашова – забайкальца, перешедшего со мной приграничное минное поле, которое было обезврежено за несколько лет до этого.

Мне посчастливилось представить свою работу на лекциях, семинарах и конференциях в Гейдельберге, Фрайбурге, Владивостоке, Харбине, Билефельде, Стокгольме, Мюнхене, Калькутте, Марбурге, Лейпциге, Тюбингене, Саппоро, Бремене, Пекине, Базеле, Вашингтоне, Берлине, Новом Орлеане, Констанце, Кембридже, Вильнюсе, Гамбурге, Франкфурте-на-Одере, Сеуле, Нью-Хейвене, Шанхае, Красноярске и Оксфорде, а также в купе поезда Транссибирской железной дороги где-то недалеко от станции Ерофей Павлович. Эти обсуждения в значительной мере способствовали развитию моих идей. Безусловно, я один несу ответственность за все неточности, оставленные на этих страницах.

Работа над этой книгой была поддержана Немецким фондом академических стипендий, Немецкой службой академического обмена, Германским историческим институтом в Москве, Кластером передовых исследований «Азия и Европа в глобальном контексте» при Гейдельбергском университете, а также Британским советом по экономическим и социальным исследованиям. Я очень благодарен этим институтам за щедрую помощь.

Работать с Бригиттой ван Райнберг, редактором издательства Принстонского университета, было очень приятно. Ее энтузиазм и поддержка сделали эту книгу возможной. Я также хочу поблагодарить Эрика Крэхана, Талию Лиф, Аманду Пири, Карэн Картер и Мерли Гуэрру за их труд по превращению рукописи в книгу и за помощь в ее публикации и Джозефа Дама за его превосходную редакторскую работу. Наконец, я выражаю благодарность Давиду Коксу за карты, Лайле Мак Рори за дизайн обложки, а Максу Бруннеру и Эмили Веснер за составление индекса.

С первых дней работы над этим проектом я надеялся, что коллеги за пределами пространства «эхо-камеры» англоязычного академического мира смогут ознакомиться с моей работой. Я выражаю свою глубокую признательность всем, кто воплотил эту мечту в жизнь. Моя искренняя благодарность Миле Закировой за прекрасный перевод книги, а также редакторам серии «*Historia Rossica*»: Ирине Ждановой – за изначальный интерес к рукописи и поддержку, Игорю Мартынюку – за помощь в подготовке перевода книги к печати. Хочу также поблагодарить Марию Каменскую, взявшую на себя труд в части редактирования и составления именного указателя, и всех сотрудников ИД «Новое литературное обозрение», причастных к появлению моей книги на русском языке.

Огромную помощь оказала моя семья. Родители Вольфганг и Соня всегда гордились мной и моей работой, несмотря на то что ее предмет находится в незнакомом для них далеком крае. Также хочу поблагодарить моих тестя и тещу, Хайлян и Куйкся, за то, что приняли меня как родного. Самую глубокую признательность я выражаю своей жене Цзинжу, которая родилась недалеко от изучаемых мной территорий. Сама того не подозревая, она сыграла центральную роль в создании этой книги. Двое наших замечательных детей, Алма и Голо, родившиеся за это время, принесли нам невиданное счастье. Без них и их матери все оказалось бы ничем.

ВВЕДЕНИЕ

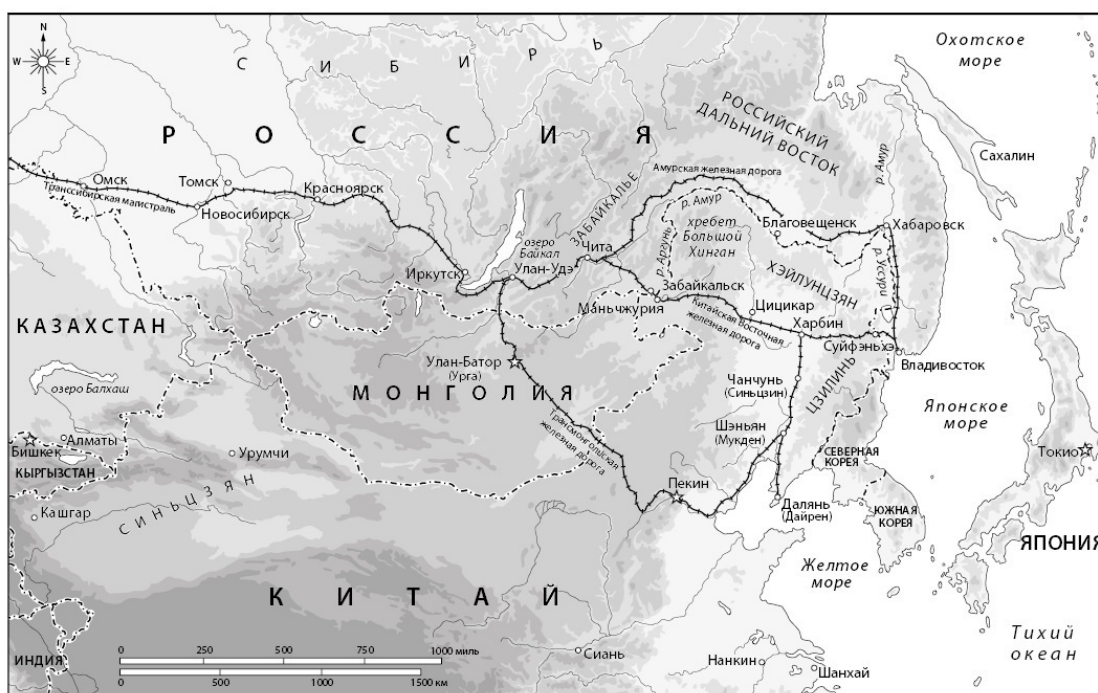
Многие реки, даже маркируя границы государств, скорее объединяют, а не разделяют. Долгое время Аргунь, река, обозначающая границу между Россией и Китаем, не была исключением. Еще и в XX веке кочевники пересекали эту реку, уводя свой скот на летние и зимние пастбища в холмистую степь. Река обеспечивала и оседлое население обоих берегов, независимо от его национальной принадлежности. Так, казаки, проживающие вдоль Аргуни, охотились на китайской территории, у монголов арендовали землю для заготовки сена и вели обмен с мелкими торговцами из Китая. Китайские переселенцы из провинций южнее Великой стены промышляли охотой и добычей золота на обоих берегах реки. Многие из них хорошо говорили по-русски и носили русскую одежду – короткие черные тулупы и ушанки. Некоторые оседали в русских деревнях, принимали православие и женились на русских женщинах. Те, кто не ассимилировался подобным образом, все же взаимодействовал с населением другого берега, общаясь на смеси местных языков и диалектов.

Это пересечение и смешение различных кочевых и оседлых культур, европейской и азиатской цивилизаций вдоль реки Аргуни прекратилось только в конце XIX века, когда граница приобрела геополитическое значение. Имперские интересы России, а затем и Советского Союза в последующие десятилетия столкнулись с интересами цинского (позднее республиканского) Китая и Японии. В дальнейшем эта местность стала ареной для дружбы и вражды двух крупнейших коммунистических левиафанов. Продолжительный процесс установления национальных границ центральными властями привел к дезинтеграции локальных межграницных отношений. Менее чем за век государства посредством законов, насилия, депортаций, перевоспитания и пропаганды успешно подавили традиционные пограничные культуры, оборвав, таким образом, межграницные родственные и дружеские связи, уничтожив приграничную экономику и положив конец практике межграницного землепользования. Только после распада Советского Союза Китай и Россия вновь приоткрыли общую границу.

Такие изменения характера границы между Китаем и Россией – от проницаемой к закрытой и вновь к проницаемой – противоречат телеологическому представлению о необратимом эволюционном развитии границ от неопределенных зон к жестким демаркационным линиям. Однако в этом случае образ общей функционирующей границы не устарел окончательно. Спустя более четверти века такие артефакты, как заброшенные наблюдательные вышки и ржавые куски колючей проволоки, являются напоминанием о том, что грозная государственная военная сила однажды присутствовала на этих приграничных землях. Сегодня, несмотря на существующие межграницные отношения в области торговли, туризма и всепроникающие сотовые сети, граница не превратилась в явление прошлого. Аргунь разделяет два очень разных региона, расположенных на противоположных берегах, – один в России, другой в Китае. Большинство людей, проживающих на российской стороне, – русские, они говорят на русском языке, живут в советских или традиционных русских домах, смотрят по телевизору программу «Время» и одеваются так же, как в любой другой сельской местности России. Официальные данные относят большинство жителей китайской стороны границы к *ханьцам* – доминирующей этнической группе КНР. Жители правобережья говорят на северокитайском языке (мандаринском), смотрят вечернюю пекинскую новостную программу «Синьвэнь Ляньбо» («Новости») и носят обычную для Китая одежду. Однако помимо фенотипа, языка и культуры существует множество дополнительных границ. Статистические данные о потреблении пищи на этой приграничной территории не доступны. Но можно с уверенностью заключить, что потребление картофеля и риса, скорее всего, будет соответствовать красной линии на карте. Эти современные различия указывают на укорененные структуры, определяющие культуру и язык людей, населяющих пограничье сегодня. Современная российско-китайская государственная граница

совпадает с культурной и лингвистической. Как же произошло то, что эта красная линия так глубоко разделила население, не знавшее границ в прошлом? Как оказалось возможным то, что это разделение проникло практически во все сферы жизни обычного жителя приграничья?

В этой книге описывается изменение российско-китайской границы – преобразование открытого межимперского фронта в разграниченную в современном понимании землю, когда линия государственной границы совпадает с экономическими, политическими, социальными, культурными, этническими и психологическими различиями. Эволюция границы, разделившей две крупнейшие евразийские державы, происходила в ходе противоборства и сделок между различными группами местного приграничного общества, различными политическими силами, стремившимися утвердить свое господство над границей и прилегающими к ней территориями, политическими метрополиями и периферийным приграничным населением. Центральный тезис этой книги заключается в том, что местные жители, так же как и государства, участвовали в создании российско-китайской границы. Оно произошло под воздействием сложного набора последовательных и в то же время взаимоналагающихся и взаимосвязанных государственных политик. Эти проекты были направлены на устранение неопределенности и расширение контроля метрополий над периферией вплоть до самой государственной границы (а часто и за ее пределы). Однако разнообразное местное население сыграло важную роль как в поддержке этих государственных планов по созданию границы, так и в сопротивлении им. Данная работа, таким образом, исследует то, как центральные власти пытались установить контроль над государственной границей, во фронтирной зоне и в пограничье и как местное население стремилось воспрепятствовать этим попыткам, а также то, как сами люди иногда становились агентами государственной власти или ее жертвами. Соединяя историю сверху и историю снизу, эта книга исследует политики, осуществляемые метрополиями, а также демонстрирует гибкость стратегий и практик, реализуемых обычными людьми, столкнувшимися с переделыванием границы.

Карта 1. Внутренняя и Северо-Восточная Азия с сегодняшними международными границами (Cox Cartographic Ltd)

ИМПЕРИИ И ЛЮДИ, ФРОНТИРЫ И ПОГРАНИЧЬЯ

Вопрос о различных способах установления российско-китайской границы на местности остается неизученным. Такое пренебрежение удивляет особенно в свете геополитического значения этой территории, ее важнейшей роли в мировой истории, ее уникальной и радикальной трансформации, а также общего роста академического интереса к границам. Оказываясь в центре внимания исследователей, эта граница анализировалась в рамках общепринятых вертикальных, центристских макроперспектив дипломатической, экономической или военной истории, в которой власть исходит только от метрополии к периферии, а никакие взаимодействия вокруг самой границы не учитываются¹.

Таким образом, эта книга предлагает кардинально новую перспективу: фокусируясь на жизнях людей на обеих сторонах четко определенной местности, она прослеживает формирование и трансформирование этой обширной евразийской сухопутной границы в течение продолжительного времени. Начиная с конца XVII века, когда обе империи впервые попытались демаркировать свой общий фронт, эта работа прослеживает историю границы вплоть до распада Советского Союза в 1991 году, когда она была наконец вновь открыта. Множество различных режимов перехода границы сменяли друг друга на протяжении этого длительного периода, а в особенности в течение прошлого столетия, и каждый новый поворот оказывал глубочайшее влияние на жителей приграничья. Часто фронт и пограничье живет в соответствии с собственной хронологией. Изменения там происходят раньше или позже, чем в метрополиях, в данном случае – в Китае и России. Данная приграничная территория пережила радикальные изменения: от нечетко демаркированного межимперского фронта со странствующими кочевниками, казаками, смекалистыми контрабандистами и другими высококомобильными людьми, пересекавшими его при помощи барж или на лошадях, к тщательно патрулируемой приграничной полосе, большинство местных жителей которой признали национальный территориальный суверенитет, зная соседей с другого берега только из государственной пропаганды, и это в условиях, когда они физически могли видеть земли по ту сторону границы за степными холмами.

На эту работу повлияла дискуссия о понятиях «фронт» (frontier) и «пограничье» (borderland)². Различия между фронтами и пограничьями все больше детализируются.

¹ В особенности работа Сары Пейн: *Paine S. C. M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier*. Armonk; NY: M. E. Sharpe, 1996. Объем литературы по истории Внутренней и Северо-Восточной Азии и по соперничеству империй в этом макрорегионе увеличивается, однако скудное внимание уделяется региональным исследованиям приграничья, и еще меньше исследований сочетают обе перспективы. См.: *Urbansky S. Challenges of Subalternity on the Northeast Asian Frontier // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2018. Vol. 19. № 4. P. 867–876. Недавно опубликованы два труда, ставших заметным исключением из этой общей тенденции. Первый – работа Виктора Зацепина, обширное исследование Северо-Восточной Азии как места столкновения Российской и Китайской империй в эпоху позднего царизма. Однако в его работе жизнь обычных женщин и мужчин на исчезающем фронте недостаточно отображена. См.: *Zatsepine V. Beyond the Amur: Frontier Encounters between China and Russia, 1850–1930*. Vancouver: University of British Columbia Press, 2017. Другая работа – замечательное исследование Дэвида Брофи, в котором рассматривается процесс нациестроительства внутри мусульманских сообществ в Центральной Азии в конце XIX и начале XX века, включающее транснациональную восходящую перспективу, позволяющую понять смещение лояльностей местного приграничного населения: *Brophy D. Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia-China Frontier*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016.

² Классическими работами по этому вопросу являются труды Фредрика Джексона Тёрнера, см.: *Turner F. J. The Frontier in American History*. 1893. New York: Henry Holt, 1920 [пер.: *Тёрнер Ф. Фронт в американской истории*. М.: Весь мир, 2009] и его ученика Герберта Юджина Болтона, см.: *Bolton H. E. The Spanish Borderlands: A Chronicle of Old Florida and the Southwest*. New Haven, CT: Yale University Press, 1921. Несмотря на продолжающееся влияние на популярную культуру, смелое эссе Тёрнера подверглось основательной критике в последние десятилетия. Болтон не полностью отрицает философию Тёрнера, новые западные историки избрали ревизионистскую позицию в отношении концепта линии, разделяющей «дикость» и «цивилизацию». Исходя из своей антитёрнеровской интерпретации американского Запада, они предложили историкам новый провокативный подход к пониманию фронта, ставший сейчас общепринятым. См., например: *Limerick P. N. The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West*. New York: Norton, 1987. P. 20–23; *White R. Middle Ground*:

Однако акцент данного исследования, стремящегося включить в анализ межкультурные перспективы и интерпретации развития периферии, смещен в сторону концепта пограничья. Пограничья здесь рассматриваются как перекрестки, на которых наиболее явным оказывается взаимодействие между местным населением и государством. Именно в пограничье, где власть соперничающих империй или национальных государств еще фрагментирована, а механизмы контроля еще слабы, местные общества способны оспаривать, разрушать и преодолевать гегемонию. Это несоответствие между намерениями политических центров и реальной жизнью периферии влияло на постепенную эволюцию современных государственных границ со всей их удивительно устойчивой неопределенностью и непредсказуемостью³.

Фронтир (*frontier*) в этой книге определяется как отдаленная, малонаселенная и нечетко определенная территория, располагающаяся за пределами периферии двух или более ключевых политических сил. Метрополии со временем культурно, экономически и политически проникают в эти промежуточные зоны контакта. Этот процесс происходит под воздействием соперничающих имперских сил и местных жителей, поэтому характеризуется постоянным оспариванием и компромиссами. Фронтир становится пограничьем в результате продолжительных изменений характера централизирующей политики, когда он оказывается включен в расширяющееся ядро одного или нескольких национальных государств или империй. Таким образом, пограничье (*borderland*) обозначает территориальную единицу, возникшую из фронта на периферии государства в процессе конкуренции империй или национальных государств и создания жесткой, четко определенной линейной границы посредством навязанных государством изменений в экономической, политической, военной, этнической, социальной и культурной среде. Часто эти изменения сопровождаются насилием, вынужденным перемещением населения и подчинением сопротивляющихся. В то время как пограничье описывает более обширную местность, определенную внутренними и внешними пределами, в которой межгосударственная граница непосредственно формирует социальные и экономические сети, действует определенный свод законов, а доступ обычных людей на эту территорию ограничен государственной политикой, термин «приграничье» относится к участку, непосредственно проходящему вдоль государственной границы. «Граница» – это линия на карте, демаркационный камень, забор или караульный пост, который определяет территориальные пределы государственного суверенитета⁴. Однако необходимо подчеркнуть, что любое догматичное следование определениям сильно упрощает историю границы. Приверженность жесткой терминологии не позволяет объяснить сложную природу пограничья, в котором продолжают существовать некоторые укорененные на местности и гибкие характеристики фронта.

Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650–1815. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. ix – vi. P. 50–60; *Worster D.* Under Western Skies: Nature and History in the American West. New York: Oxford University Press, 1992. P. 3–33 *passim*. Исследование Ламара и Томсона представляет собой классическую работу, раскрывающую понятия «открытие» и «заккрытие» фронтиров. См.: *The Frontier in History: North America and Southern Africa Compared* / Ed. H. Lamar, L. Thompson. New Haven, CT: Yale University Press, 1981. P. 23–26, 35–39. Тезис о фронтирах Тёрнера в значительной степени повлиял на ранние исследования истории Внутренней и Северо-Восточной Азии, в первую очередь на труды Оуэна Латтимора: *Lattimore O.* Studies in Frontier History: Collected Papers 1928–1958. Paris: Mouton, 1962. P. 134–159, 165–179, 469–491. Однако в его понимании фронтир больше походит на зону, а не линию.

³ См.: *Adelman J., Aron S.* From Borderlands to Borders: Empires, Nation-States, and the Peoples in between in North American History // *American Historical Review*. 1999. Vol. 104. № 3. P. 815–816; *Baud M., Schendel W. van.* Toward a Comparative History of Borderlands // *Journal of World History*. 1997. Vol. 8. № 2. P. 211–242; *Hämäläinen P., Truett S.* On Borderlands // *Journal of American History*. 2011. Vol. 98. № 2. P. 338–361. Эта тенденция наблюдается в появляющихся исследованиях пограничья, в которых окраины Китая рассматриваются с акцентом на человеческий фактор (например: *Giersch C. P.* Asian Borderlands: The Transformation of Qing China's Yunnan Frontier. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; *Shao D.* Remote Homeland, Recovered Borderland: Manchus, Manchoukuo, and Manchuria, 1907–1985. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2011; *Song N.* Making Borders in Modern East Asia: The Tumen River Demarcation, 1881–1919. Cambridge: Cambridge University Press, 2018) и России (например: *Adelsgruber P., Cohen L., Kuzmany B.* Getrennt und doch verbunden: Grenzstädte zwischen Österreich und Russland, 1772–1918. Vienna: Böhlau, 2011; *Boeck B. J.* Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2009).

⁴ *Prescott J. R. V.* Political Frontiers and Boundaries. London: Allen & Unwin, 1987. P. 1–14 *passim*, особенно p. 12–14.

Россия и Китай, в отличие от островной Британии, империя которой располагалась за морем, были континентальными империями⁵. Совместно к концу XVIII века они разделили Внутреннюю Азию: Маньчжурию, Монголию и Синьцзян на отдельные сферы интересов. Несмотря на различия в социальной и экономической структуре, обе силы осуществляли сходную имперскую политику на общем фронтире – как континентальные империи они покоряли свои окраины⁶. Чтобы включить эти территории, названные Оуэном Латтимором оборонительными «фронтирами, обращенными вовнутрь», во все более мультикультурные системы управления, обе имперские силы полагались на сотрудничество местных элит, в первую очередь посредством сохранения за ними некоторых привилегий⁷.

В XIX веке мир стал свидетелем становления современных национальных государств⁸. Прочерчивание конкретных государственных границ для определения и защиты национальной территории как «пространства решений» было важнейшим компонентом этого процесса. Возможно, в наиболее крайней форме территориальная ортодоксальность воплотилась в фашистских и коммунистических режимах XX века. Четкая территориальная принадлежность и уникальные социальные образования начали терять силу только с концом двуполярного мира, становлением глобального капитализма, ростом значения наднациональных структур и возрождением регионализма⁹.

Глобальная тенденция нацистроительства не обошла стороной империи Цин (1644–1912) и Романовых (1613–1917). Несмотря на то что многие их окраины были в основном населены коренными народами: скотоводами, охотниками и рыболовами, на территориальные границы этих империй тем не менее влияла идея гомогенной власти, нетерпимой к конкурирующим силам, альтернативным значениям и неконтролируемым перемещениям¹⁰. Желание устранить неопределенность периферии пережило эти режимы и усилилось, когда их преемники (СССР, Маньчжоу-го и КНР) ввели еще более радикальные формы территориализации, которые существенно изменили социальную динамику в пограничьях. Действия

⁵ Это различие было впервые замечено историком Джеффри Хоскингом, см.: *Hosking G. The Freudian Frontier // Times Literary Supplement. 1995. 10 March. P. 27.*

⁶ Основные характеристики Китайской и Российской империй, а также территориальная экспансия, проводимая ими, исследуются в работе Джейн Бурбанк и Фредерика Купера. См.: *Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 185–218.* И Альфреда Рибера, см.: *Rieber A. J. The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 31–41, 49–58, 415–423.* Другие значимые исторические исследования империй: *Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung – Geschichte – Zerfall. Munich: C. H. Beck, 1992; Hosking G. A. Russia and the Russians: A History. Cambridge, MA: Belknap, 2001; Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth century to the Present. London: John Murray, 2000; Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004.* Комплексный анализ Китайской империи осуществлен в следующих работах: *Crossley P. K. The Manchus. Cambridge, MA: Blackwell, 1997; Elliott M. C. The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford: Stanford University Press, 2001; Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA: Belknap, 2005.*

⁷ *Lattimore O. Manchuria: Cradle of Conflict. New York: Macmillan, 1932, особенно p. 77–78, 99.*

⁸ См. также классические работы: *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983 [пер.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001]; The Invention of Tradition / Ed. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, в частности введение Хобсбаума: p. 1–14; Sahlins P. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley: University of California Press, 1989.* Об усилении пограничного контроля и внедрении документации для идентификации личности см.: *McKeown A. M. Melancholy Order: Asian Migration and the Globalization of Borders. New York: Columbia University Press, 2008.*

⁹ *Maier Ch. S. Once within Borders: Territories of Power, Wealth, and Belonging since 1500. Cambridge, MA: Belknap, 2016. P. 1–6; см. также: Sassen S. Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton: Princeton University Press, 2006.*

¹⁰ Недавние исследования показывают, что дихотомия «нация – империя» слабо применима к мультиэтническому характеру Российской и Китайской империй. Такие империи не обязательно обладали меньшими возможностями разрешения сложностей, вызванных региональным разнообразием, чем этнически и культурно более гомогенные национальные государства. См.: *Burbank J., Cooper F. Empires in World History. P. 251–459 passim; Rieber A. J. The Struggle for the Eurasian Borderlands.*

коммунистических властей Москвы и Пекина по реализации режимов закрытой границы не были уникальными, однако отличались большей решительностью. В результате этого всего лишь за несколько десятилетий сложная смесь геостратегических устремлений, конкурирующих идеологий и радикальных планов по изменению жизни каждого человека, проживавшего в оспариваемом регионе, привели к резкой трансформации премодерного межимперского евразийского фронта в пограничье между двумя централизованными режимами, владеющими четко определенными пространствами¹¹.

Границы, обеспечивая целостность, безопасность, контроль населения и внутренней экономики, сыграли в ходе этого процесса важнейшую государствообразующую роль. Они способствовали формированию различных национальных идентичностей одних и тех же этнолингвистических групп и, как высоко политизированные символы, стали площадками социальных изменений. Историк Питер Салинс, например, продемонстрировал, как локализм сформировал национальные идентичности на франко-испанской границе на Пиренеях, однако во Внутренней Азии процессы локальной кооптации и компромисса наблюдались в значительно меньшей степени¹². Когда пограничье как отдельная административная единица оказалось включенным в периферию постреволюционного государства – наследника прежней мультикультурной империи, оно постепенно перестало быть гибридным местом сосуществования империй и негосударственного мира местного населения.

Такая реорганизация социального, экономического, политического и культурного пространства через трансляцию централизованной государственной власти на приграничную территорию не прекратила конфликты по поводу политической или культурной принадлежности среди местного населения. В условиях межгосударственного соперничества и противоборства продолжились как в метрополиях, так и среди жителей пограничья, сопротивлявшихся ассимиляции и перевоспитанию и стремящихся сохранить независимость или хотя бы автономию и мобильный образ жизни¹³.

Отношения между ядром и периферией, таким образом, оставались динамичными и изменчивыми, отличаясь колебаниями в обоих направлениях, что поднимает вопросы о роли населения глубокой периферии государства. Как долго социальные акторы, находившиеся вне принимающих решения элит, влияли на управление границей? Каким образом они поддерживали или сопротивлялись политике формирования границы, осуществляемой государством? Описав долгую историю китайско-российской границы через региональную перспективу, эта книга проливает свет на сложные отношения людей и государств. Она показывает, что роль, которую играло местное население в истории территориализации государства, гораздо более значима, чем принято было считать ранее.

Во-первых, такая масштабная историческая работа позволяет раскрыть зональные и линейные определения границ. Концепция границ для разных поколений государственных агентов метрополий и различных групп жителей пограничья менялась с течением времени. Традиционное фронтирное общество не было разделено государственными границами, оно поддерживало родственные, экономические, языковые и религиозные связи, которые обладали самобытностью и простирались за их пределы. Во многих случаях внутренние границы между знаменами или родами соблюдались более четко, чем проницаемая международная граница.

¹¹ Rieber A. J. *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 129–139. О межвоенном периоде: Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001. P. 311–343 passim [пер.: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011].

¹² См.: Sahlins P. *Boundaries*. P. 7–9.

¹³ Мобильность в этом контексте часто ошибочно рассматривается как склонность местных жителей оспаривать границы, как будто границы возникли сначала, а затем мобильность. Но, как мы знаем, дело было в точности наоборот: Ludden D. *Presidential Address: Maps in the Minds and the Mobility of Asia // Journal of Asian Studies*. 2003. Vol. 62. № 4. P. 1061–1065.

Но более поздние поколения приграничных жителей, которые уже не могли пересекать закрытую международную границу, потерявшие интерес к соседям и не обладавшие языковыми навыками для общения с ними, часто косвенным образом поддерживали претензии на национально-территориальный суверенитет, что значительно отличает их от более ранних поколений.

Во-вторых, это исследование показывает, что формальное управление, осуществляемое централизующей властью, не обязательно приводит к территориальному контролю над пограничьем и его населением. Из-за проницаемости обширной континентальной границы, нехватки ресурсов, противоречивости намерений соседних режимов и отсутствия современной инфраструктуры, способной связать периферийные территории с имперскими столицами, централизующие власти, даже когда неприятие любых локальных межграницных обменов возросло, часто были неспособны уследить за общими внешними границами. Эта неспособность коренилась в традиционных практиках и изменчивых формах взаимодействия между различными группами пограничья. Даже те, кто изначально был отправлен государством в эту местность для осуществления охранительных функций, не всегда следовали государственным протоколам.

В-третьих, эта работа раскрывает обстоятельства, при которых старые фронтиры сосуществуют с современными государственными границами. Построив железную дорогу, метрополии определили способ пересечения границы через узкий коридор, что побудило новые процессы создания границы. Современные средства государственного контроля, однако, не были введены одномоментно на всей государственной границе. А там, где они были введены, они не обслуживали государство всецело. Более того, достаточно часто они использовались для противодействия намерениям центральной власти, так как создали новые зоны контакта между местным и глобальным мирами и сформировали самобытную социальную ткань. Одновременно с этим осуществлялось строительство новой формы границы.

В-четвертых, такой подход демонстрирует условия, способствующие усилению контроля над границей. Особенно во время военной конфронтации и внутренних конфликтов метрополии выделяли значительные ресурсы для более эффективного контроля государственной границы, вводили новые режимы ее содержания, изолируя пограничье от внутреннего и внешнего окружения, и постепенно заменяли ненадежных людей лояльными гражданами. Взаимодействие между центральной властью и ее посредниками, с одной стороны, и частично замененным населением пограничья, с другой, не только увеличило легитимность последовательно ограничиваемого пространства, но и послужило сплочению подданных и правителей.

В завершение отметим, что исследовать то, как открытые границы закрываются, а закрытые границы открываются, очень поучительно. Границы дружбы между государствами-союзниками официально изображались открытыми для всех, однако для большинства местных жителей они оставались непроходимыми. Охраняемая граница конфликта, наоборот, оставалась преодолимой для избранных. Такое несоответствие риторики и реальности демонстрирует усиление и ослабление власти метрополии над периферией.

Эти пять противоречивых, но взаимодополняющих тем обсуждаются в этой книге. Они позволяют направить внимание на отдельные, но взаимосвязанные способы постепенного смещения и переноса границ.

АРГУНСКИЙ БАССЕЙН

С самого начала заселения людьми евразийской степи географические условия Внутренней Азии редко благоприятствовали оседлому образу жизни. Экстремальный континентальный климат, сложная топография и непреодолимые расстояния между Японским морем на востоке, Алтайскими горами и Тянь-Шанем на западе пугали оседлые цивилизации Азии и Европы. Внутренняя Азия больше запомнилась кочевыми завоевателями, самым знаменитым из которых был Чингисхан, великий монгольский правитель, создавший в XIII веке самую крупную континентальную империю в истории.

Некоторые сохранившиеся следы существования границ в ранних культурах напоминают нам о том, что демаркация и защита территории в этом регионе не являются российским или китайским изобретением. Так называемый Вал Чингисхана – историческое укрепление, простирающееся примерно на пятьсот километров от современной восточной Монголии в Китай и Россию, все еще заметен на аэроснимках. Его название вводит в заблуждение, не Чингисхан, а чжурчжэньские правители династии Цзинь (1115–1234) воздвигли его в неудачной попытке защититься от монгольских и тюркских племен. Выровненный веками эрозии вал в некоторых местах можно определить и с земли, например на южной окраине Забайкальска – небольшого поселения на российско-китайской границе всего в нескольких шагах от проржавевшего пограничного ограждения¹⁴.

Первоначально московские правители и правители династии Мин не стремились колонизировать эту необъятную территорию или создать там новые пограничные укрепления. Поэтому прошло еще около четырехсот лет до того момента, как в XII веке Внутренняя Азия стала зоной непосредственного контакта между русскими и китайцами, а правители этих держав постепенно начали консолидировать свои границы. В середине XIX века эта граница стала наиболее протяженной из известных человечеству международных сухопутных границ. Она простиралась примерно на 12 000 километров от горных хребтов Центральной Азии через степи Внутренней Азии и вдоль извилистых речных долин к Японскому морю. Сегодня, вслед за обретением независимости Монголией и распадом Советского Союза, Китай и Россия все еще имеют общую границу, длина которой составляет примерно 4200 километров вдоль рек Аргуни, Амура и Уссури плюс 55 километров небольшой полоски земли в горах Алтая. Сейчас это шестая по протяженности международная граница в мире¹⁵.

Российско-китайский фронтир оставался малонаселенным вплоть до XX века. В настоящее время китайцы (ханьцы) и этнические русские составляют подавляющее большинство населения вдоль трех крупных пограничных рек, однако эти земли являются родиной и некоторых самобытных коренных народов. Безусловно, к самым крупным этническим меньшинствам относятся корейцы-земледельцы, буряты, а также другие монгологоворящие народы, промыш-

¹⁴ См. также: *Billé F. On Ideas of the Border in the Russian and Chinese Social Imaginaries // Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border / Ed. F. Billé, G. Delaplace, C. Humphrey. Cambridge: Open Book, 2012. P. 28; Wines M. Behold! The Lost Great Wall // New York Times. 2001. 21 Sept. P. A4.*

¹⁵ До распада Советского Союза эта граница была еще более протяженной и состояла из трех крупных участков, а не из одного. Помимо восточного участка, монгольская граница составляла второй участок границы. Внешняя Монголия как автономная единица Китая вплоть до падения династии Цин в 1911 году была включена в него, а северные ее пределы маркировали границу между цинской и романовской империями. Когда в 1924 году была образована Монгольская Народная Республика, ставшая первым государством-сателлитом Советского Союза, эта территория оказалась под контролем Москвы. Граница коммунистической Монголии и Китая более полувека представляла собой внешний рубеж советской власти. Третья и самая западная часть, включавшая китайскую северо-западную горную границу с Россией, стала впоследствии советской Центральной Азией (сегодня Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан).

ляющие скотоводством¹⁶. Племена, говорящие на тунгусских языках, занимающиеся охотой, рыболовством и собирательством, более малочисленны.

Как и автохтонные народы русско-цинского фронта, русские и китайцы (ханьцы), проживавшие в районах, примыкающих к Уссури, Амуру и Аргуни, не были культурно и этнически гомогенными. Первые крестьяне-переселенцы и казаки прибыли на территории между озером Байкал и рекой Аргунь в начале XII века. Казаки-коневоды, фермеры и солдаты поселились на отдельных участках внешних рубежей этого фронта с китайской империей. Для выживания эти женщины и мужчины приспособились к местным условиям и обычаям. Со временем они перемешались с коренными жителями региона. Только староверы, отвергшие реформу Русской православной церкви патриарха Никона и насильственно переселенные в этот регион в XIII веке, вели практически изолированный образ жизни. Намного превосходящие численностью потоки мигрантов из европейской России направились на российские территории, примыкающие к Китаю, на рубеже XX века в результате аграрной реформы и строительства Транссибирской железной дороги. Эти новые поселенцы соперничали со старожилами за лучшие пастбища¹⁷. Новые добровольные и вынужденные миграционные волны возникали в советское время, пополняя ряды горожан, горняков и лесорубов, колхозников, военнослужащих и железнодорожников. Эти различные группы русских – россияне – сообщество, построенное на общности языка.

Китайская миграция на российско-китайский фронт усилилась в конце XIX века, когда были сняты ограничения на миграцию ханьцев в Маньчжурию¹⁸. Сезонные работники, беженцы, бедные фермеры и другие поселенцы, намеревавшиеся поселиться здесь постоянно, заполнили тогда китайский Северо-Восток. Иммиграция из провинций южнее Великой китайской стены усилилась с развитием современного и надежного транспорта в начале XX века. Во второй половине этого века движение людей в китайский северный фронт стало результатом стратегических, экономических и политических решений, сформированных в Пекине и принятых для подтверждения власти над территорией, реализации интересов национальной безопасности и ассимиляции национальных меньшинств. Сегодня численность китайцев (ханьцев) в приграничных районах Китая значительно превосходит численность этнических русских на противоположных берегах Аргуни, Амура и Уссури¹⁹.

¹⁶ О беспрецедентном передвижении корейцев через Китай и Россию на протяжении позднего XIX и раннего XX века см.: *Park A. Sovereignty Experiments: Korean Migrants and the Building of Borders in Northeast Asia, 1860–1945.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 2019.

¹⁷ О динамике заселения Сибири выходцами из европейской России до 1917 года см.: *Coquin F.-X. La Sibérie: Peuplement et immigration paysanne au XIXe siècle.* Paris: Institut d'études slaves, 1969; *Treadgold D. W. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War.* Princeton: Princeton University Press, 1957.

¹⁸ Топоним «Маньчжурия» был известен китайцам и маньчжурам прошлого, однако сегодня для китайского уха он звучит неточно и даже оскорбительно, так как ассоциируется с империалистическим вторжением России и Японии. Сейчас этот регион политически и географически обозначается как Северо-Восточный Китай (или Дунбэй), он включает в себя три провинции: Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин: *Elliott M. C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // Journal of Asian Studies.* 2000. Vol. 59. № 3. P. 604–607; *Janhunen J. Manchuria: An Ethnic History.* Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1996. P. 8–11. Для простоты я использую оба обозначения: Маньчжурия и Северо-Восток.

¹⁹ Массовая миграция ханьцев из внутреннего Китая в Маньчжурию описана в: *Gottschang T. R., Lary D. Swallows and Settlers: The Great Migration from North China to Manchuria.* Ann Arbor: University of Michigan, Center for Chinese Studies, 2000; *Reardon-Anderson J. Reluctant Pioneers: China's Expansion Northward, 1644–1937.* Stanford: Stanford University Press, 2005.

Карта 2. Сводная карта Аргунского пограничья, на которой указаны наиболее значимые населенные пункты с XIII века до настоящего времени (Cox Cartographic Ltd)

Расположенная в самом сердце обширного фронта Внутренней Азии река Аргунь маркирует 944 километра границы между Россией и Китаем. Эта территория является самым старым пограничным участком между двумя державами, пережившим все изменения. Более того, эта территория представляет собой два разных вида границ. Река пересекает местность, где сельские русские, китайские и автохтонные миры замысловато переплелись. Всего в нескольких минутах езды, однако, располагается железнодорожный город, который представляет собой совершенно иную социальную ткань, а вместе с тем и новую форму границы. Все эти разные сферы, географически сведенные к Аргунскому бассейну, наделяют его уникаль-

ными качествами, которые позволяют рассмотреть историю российско-китайского фронта и пограничья²⁰.

Территория, на которой мы сосредоточим внимание, расположена в сегодняшнем российско-китайско-монгольском пограничном треугольнике в верховьях реки. С севера и востока она ограничена горным хребтом Большой Хинган, а с юга и запада – пустыней Гоби. Территория охватом около семидесяти тысяч квадратных километров соразмерна по масштабам с современной Грузией. Окраины этого региона примерно соответствуют внешним пределам свободной торговой зоны, установленной в 1862 году, и отдельной административной структуре пограничных районов, которые начали создаваться с конца 1920-х годов. Другими словами, окраины этого региона могут быть описаны так: немного пологая равнина Агинской степи, где река Борзя впадает в Онон и обозначает его западные пределы. Казацкая станица Олочи на среднем течении Аргуни отмечает его северный край. Предгорья лесных склонов Большого Хингана, отделяющие плоскогорье Хулун-Буира от Маньчжурской равнины, маркируют его восточные пределы. Река Хайлар – приток Аргуни, которую иногда считают верхом реки Аргуни, и мелководное озеро Далайнор отмечают ее южную окраину.

Аргунь состоит из нескольких извилистых русел, протекающих через болота в широкой долине, которая и дала реке название²¹. Часто разделяясь на два или больше отдельных рукава, река до слияния с Амуром протекает на север и северо-восток достаточно спокойно. Благодаря извилистости она зачастую трижды проходит свою линейную протяженность. Основное течение реки часто менялось в прошлом, что провоцировало конфликты за обладание сотней островов, некоторые из которых представляли собой лишь песчаные косы, тогда как другие были крупными нетронутыми пастбищами. В верховье Аргунь блуждает по слегка холмистой и заросшей травой степи, которая соединяется с монгольскими равнинами. Северный таежный лесной пояс покрывает берега реки на среднем течении и в ее низовьях. Сегодня российская территория на левом берегу реки относится к Забайкальскому краю²². Китайский правый берег является частью Хулун-Буира²³ – северо-восточной оконечности Внутренней Монголии – автономного района Китая. Хулун-Буир получил название от двух озер, расположенных на юге этого района (Хулун-Нур и Буйр-Нуур). Русские называют этот район «Барга» – термин, пришедший от старо-монгольского племенного названия²⁴.

²⁰ Ранние разграничительные соглашения: Нерчинский мирный договор 1689 года и более детальный договор, составленный в Кяхте в 1727 году, позволили обеим империям достигнуть баланса в региональной военной силе и разграничить сферы интересов. Разделительная линия между государствами сместилась на протяжении последующих веков лишь незначительно, однако до недавних пор она не считалась полностью установленной. Последние разногласия между Москвой и Пекином по вопросу прав на некоторые острова были разрешены только в постсоветский период: *Iwashita A. A 4,000 Kilometer Journey along the Sino-Russian Border*. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2004. P. 160–164 [пер.: *Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница* / Пер. с яп. М. Я. Горфункель. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006].

²¹ Название на монгольском произносится как «эргунь», что означает «широкий».

²² Забайкалье – территория на востоке от озера Байкал, является частью восточной Сибири, тогда как российский Дальний Восток используется для обозначения всей территории к востоку от Забайкалья и охватывает Амур и Приморский край, а также Камчатку и остров Сахалин. До 1884 года Забайкалье было частью Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В период между 1884 и 1906 годами этот регион входил в состав Приамурского генерал-губернаторства, а затем был включен в Иркутское генерал-губернаторство. В советский период Забайкалье было разделено на западную и восточную половины. Его восточная часть, Читинская область, была образована в 1934 году. В 2008 году Читинская область была преобразована в Забайкальский край.

²³ Традиционно Хулун-Буир принадлежал Монголии. В периоды позднего правления Цин и республиканского Китая этот регион был частью провинций Хэйлунцзян и Синьань. После коммунистической революции в 1949 году Хулун-Буир был включен в только созданный автономный район Внутренняя Монголия, которому он и принадлежал с тех пор (за исключением периода с 1969 до 1979 год, когда он вновь оказался включен в провинцию Хэйлунцзян).

²⁴ Монголы называли представителей кочевых народов этого региона «баргутами» (что означает «непросвещенные» или «темные»), так как те долгое время держались за свои древние шаманские обряды и оказались в числе последних, принявших ламаистский буддизм групп. См.: *Lattimore O. The Mongols of Manchuria: Their Tribal Divisions, Geographical Distribution, Historical Relations with Manchus and Chinese, and Present Political Problems*. New York: Howard Fertig, 1969. P. 156; *Lindgren E. J. North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus* // *Geographical Journal*. 1930. Vol. 75. № 6. P. 521.

Возможно, экстремальный континентальный климат сыграл более значимую роль в формировании этого фронтального региона, чем влияние колонистов, военных и железнодорожников. Климат здесь меняется с влажных таежных лесов на севере к полузасушливой степи на юге. Погодные условия суровы везде – экстремальный холод, но ясная и безветренная зима, и короткое, но жаркое лето. Температура в январе может достигать 50 градусов ниже нуля. Реки и озера обычно замерзают в конце октября и оттаивают в мае. В июле температура повышается до 35 градусов, хотя часто она бывает и выше. Обильные летние дожди регулярно затопляют Аргунь и ее притоки.

Регион характеризует значительное разнообразие экосистем. Реки и озера изобилуют осетровыми, ленками, амурским хариусом, щуками и сомами, однако каменистые и неплодородные почвы пойм, заболоченных земель, степей и гор слабо подходят для сельского хозяйства. Широкие долины треугольника Трехречья на китайском берегу Аргуни, сформированные реками Дэрбул, Гэньхэ и Хаул, являются наиболее плодородными территориями в регионе. Однако даже здесь вспахивание и уборка урожая возможны только в течение короткого четырех-пятимесячного периода. Степи умеренного климата населены монгольскими дзеренами, косулями, красными лисами, волками и тарбаганами. Луга используются для заготовки сена и в качестве пастбищ. Холмистые предгорья, плавно поднимающиеся над берегами реки, часто бесплодны, но склоны Большого Хингана на востоке заросли густым лесом лиственниц, берез и сосен. Горы, высота которых достигает от тысячи до полутора тысяч метров, населены пушным зверем, например северным оленем, соболями и белками.

Климат и топография усложняли наземные перемещения и коммуникацию между немногочисленными коренными народами и первыми русскими и китайскими поселенцами. Реки чаще использовались в качестве способа перемещения, так как сложно проходимые дороги и тропы были открыты только во время холодных и сухих сезонов. Люди, скот и грузы переплавались на баржах, байдарках и плотах. Когда же зима превращала Аргунь в замерзшую дорогу для саней и телег, запряженных лошадьми, разбросанные сторожевые заставы оказывались легко достигаемы, что противоречит геодетерминистской идее о реке как естественной границе.

До конца XIX века на этой обширной и малонаселенной территории на Аргуни не существовало никаких значимых населенных пунктов. Единственным городом в округе был Хайлар, основанный как гарнизонный форпост маньчжурских знаменных войск в XIII веке. Возникшее примерно в это же время село Абагайтуй было одним из немногих казацких поселений, отметивших принадлежность этого берега Аргуни России. Строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в 1903 году, ставшей последним отрезком Транссибирской железной дороги, соединившим Читу и Владивосток через Маньчжурию, привело к созданию новых поселений, и в качестве основного канала коммуникации железная дорога заменила реку. Поселение Маньчжурия (Маньчжоули), которое находится в самом центре изучаемого региона, оказалось наиболее важным населенным пунктом, возникшим благодаря строительству КВЖД. Железная дорога изменила фронт, из труднодоступной земли он превратился в центр межграницного экономического обмена, а поселок Маньчжурия стал важнейшим экономическим центром российско-китайской торговли. Железнодорожный разъезд 86, расположенный сразу за международной границей на российской территории, превратился в небольшую приграничную станцию под названием Отпор, который в дальнейшем, став поселком городского типа в 1950-х годах, был переименован в Забайкальск.

Эти шумные, связанные железной дорогой города, юрты, усеивавшие степь, и сонные деревни, расположенные вдоль речных берегов, являются прекрасной площадкой для изучения различных видов границ и явлений, возникающих в процессе их формирования и нарушения в многочисленных зонах нарастания и убывания контактов между разными группами жителей приграничья. Аргунское пограничье было (и остается) пространством, в котором возможно

множество различных видов взаимодействия между русскими, китайцами и коренным населением, иногда эти контакты подстегивались государствами, а в других случаях географическим положением. Пышные луга, искрящиеся реки и лесные холмы на Аргуни пересекались людьми пешком, или на запряженных животными телегах, или на баржах и поездах, а люди перемещали вместе с собой различные предметы и идеи. Некоторые попадали в эти места, потому что хотели перебраться из Китая в Россию или наоборот. Другие жили у Аргуни, потому что хотели торговать, или нуждались в доступе к пастбищам для выпаса скота, или промышляли рыболовством. Это было сложное место взаимодействия, над которым государства стремились установить контроль, в конце концов ограничив такие перемещения.

Выход за пределы большой политики, сформировавшей эту границу, и концентрирование внимания на повседневной жизни местного населения, практиках пограничья и соприкосновения местных сообществ с большим миром – сложная задача. Кочевники с их мобильным образом жизни и контрабандисты с их секретными торговыми сетями зачастую были неграмотны или не видели необходимости в создании автобиографических документов. То же самое можно сказать о проводниках поездов и пограничниках. Эти ограничения должны учитываться при реализации проекта описания повседневных взаимодействий в отдаленных зонах контакта. Описание этой границы из-за различий в архивных культурах оказалось даже сложнее, чем проникновение в разные сферы жизни местного населения. Граница и вопросы национальных меньшинств в Китае остаются непростыми темами для национальной историографии и исторической политики. Многие коллекции первоисточников по истории этого региона в интересующий нас период неполны или недоступны в настоящее время. Смещение в сторону российских архивных источников в этом исследовании было преодолено благодаря двум обстоятельствам: архивные записи об общей государственной границе составлялись как минимум двумя странами, и, к счастью, некоторые китайские документы оказались в зарубежных архивах²⁵. Кроме того, газеты, отчеты об этнографических исследованиях, краеведческие справочники и полевые записи путешественников, найденные в библиотеках и частных коллекциях, предлагают восходящую перспективу, позволяющую включить жителей пограничья в изучение вопроса. Устная история также стала ценным источником информации. Интервьюируемые, рассказы которых включены в эту книгу, местные жители обеих сторон границы, работали железнодорожниками, чиновниками, фермерами и учителями. Их обычные профессии и другие аспекты их жизни оказались незаменимы в попытке углубить наши знания о повседневных социальных практиках, характеризующих Аргунский бассейн.

Несколько слов о структуре этой книги: главы последовательно разворачиваются от XVII века до конца XX, однако предпочтение отдается не жесткой хронологии, а тематической согласованности. В первой главе описывается взаимодействие людей во фронтире, начиная с первых прямых, но случайных контактов между русскими и китайцами, которые произошли в XVII веке, когда обе империи впервые попытались демаркировать общую границу, и до конца XIX века, когда железная дорога и другие элементы современности начали менять жизнь на Аргуни, учащая и регулируя межграницные контакты. Во второй главе рассматриваются введение на рубеже XX века более систематической политики управления межнациональной границей, которая пришла на смену политике невмешательства. Здесь рассматривается то, как разногласия по вопросам территориальных границ оказались включены в национальную риторику и процесс реорганизации таможенных и санитарных систем в ходе общего движения к формированию территориальной границы. Фокусируясь на социальной и этнической истории станции Маньчжурия и территорий вокруг, в третьей главе я анализирую эффекты революций и сепаратистские движения коренных народов, возникшие вслед за распадом имперской власти

²⁵ Urbansky S. Diplomacy of Shunters: The Sino-Soviet Split Seen from a Provincial Archive in Russia // PRC History Review. 2017. Vol. 2. № 3. P. 16–18.

в Китае в 1911 году и в России в 1917 году. Четвертая глава описывает коллективизацию и другие радикальные раннесоветские программы укрощения населения, которые скорее запретили, а не отрегулировали межграницные контакты, а также показывает, как эти программы изменили политический, этнический, экономический и социальный ландшафт в верховьях Аргунского бассейна. Пятая глава исследует последствия российско-китайского конфликта 1929 года и оккупацию Японией Маньчжурии в 1931 году. Эти события повлияли на аргунское пограничье, заставив режимы усилить свое присутствие на периферии. Глава шестая концентрируется на периоде между концом 1940-х годов и началом 1960-х. Несмотря на набравшую обороты риторику дружбы и сотрудничества, межграницные отношения здесь больше не возникали неформально, а всецело контролировались из Москвы и Пекина. Российско-китайский раскол в 1960–1970-х годах обсуждается в седьмой главе. Этот конфликт оказал существенное влияние на ситуацию вдоль границы и имел серьезные последствия для экономики и демографии аргунского пограничья. Поезда, циркулирующие между Пекином и Москвой, больше не были заполнены советскими или китайскими гражданами – они перевозили пассажиров из Северной Кореи и Вьетнама, а пропагандистские кампании вновь обратились к старым мотивам саботажа, шпионажа и дезинформации, наполняя границы новой легитимностью пространства вражды. Глава восьмая прослеживает изменения, произошедшие в 1980-х годах. Здесь рассматривается то, как граница между двумя коммунистическими государствами вновь стала проницаемой в результате решений центральной власти и действий местного населения.

Глава 1

КАЗАКИ И ЗНАМЕННЫЕ НА АРГУНСКОМ ФРОНТИРЕ

В 1867 году Агатон Гиллер – поляк, сосланный российским государством за участие в движении за независимость Польши на каторгу в Забайкалье в 1851–1856 годах, поделился следующим наблюдением за жизнью казацкой станицы Олочи, расположенной на среднем течении реки Аргунь примерно в двадцати километрах от Нерчинского Завода:

В Олочи <...> несколько дней назад проходила китайско-сибирская ярмарка. <...> Помимо Олочи подобные ярмарки бывают в Цурухайтуе, Акше на реке Онон и в Горбице на Шилке. Ярмарки проводятся раз в год обычно в первых числах июля. Сибиряки привозят стекло, овчину, меха, олений рог, свинец и другие металлы, а монголы привозят просо, рис, китайскую водку, трубки, стеклянные мундштуки, статуэтки и украшения, шелковые и полушелковые ткани, табак, чай и т. п. Неспособные изъясниться, они указывают на предмет, который желают приобрести, и то, что за него предлагают²⁶.

Когда поляк, ставший впоследствии известным историком, отбывал здесь свою ссылку в середине XIX века, китайско-российская граница на Аргуни была достаточно открытой – река скорее объединяла жителей обоих берегов, нежели разделяла их. Ссылка в Сибирь предстает в воображении изоляцией в отдаленных и оторванных от внешнего мира местах, однако оживленный обмен между китайцами, монголами и русскими, осуществляемый практически вне государственного контроля, говорит об обратном. Русские, будь то ссыльные или члены самоуправляемых и полувоенных казацких сообществ, относительно недавно появились в этой местности, а товары, которые обменивали местные оленеводы и кочевники, ранее были приобретены ими у китайских торговцев.

²⁶ Giller A. Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberyi. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1867. Vol. 2. P. 10.

Ил. 1. Казацкая станица в низовье Аргуни, конец XIX века. Люди, животные и товары переправлялись по реке на баржах (Фотоальбом. Амур: От реки Аргуни до с. Покровской. Б. м., б. и. Дальневосточная государственная научная библиотека)

Эти ярмарки часто совпадали с проводимыми каждое лето проверками китайских пограничных инспекторов. Современник Гиллера – Николай Иванович Кашин – выпускник медицинского факультета Московского университета, семь лет своей врачебной практики в 1850-х годах провел в Олочи. Каждое лето он становился свидетелем этих русско-китайских встреч. Китайские пограничные объезды к этому времени насчитывали уже более чем полуторавековую историю. Они осуществлялись в соответствии с заведенной традицией – за формальным обменом представителями пограничных делегаций следовал обмен товарами, а затем китайские проверяющие на небольших судах возвращались к своим обязанностям по охране границ.

Завершая трехнедельную поездку по суше из Мергени (сейчас Нэньцзян), китайский пограничный корпус, состоявший из 130–150 человек, к началу лета обычно выходил к пограничному лагерю на Аргуни. Встречи начинались с преподнесения подарков: в обмен на корову или несколько овец русские получали от китайцев низкокачественный алкоголь, ящики сладостей, второсортный чай и тому подобное. Вся китайская делегация приглашалась на прием, который устраивался в заранее оговоренный день и продолжался с полудня до самого вечера. Кашин описал поведение китайцев в Олочи следующим образом:

За столом ноены ведут себя довольно чинно, разве только кто-нибудь из них уж очень сильно подгуляет; они всегда с любопытством рассматривают столовое белье, но умильнее всего, как заметно, поглядывают на бутылки с наливками и мадерой. Нередко мы для такого праздника приглашали музыкантов из Большого Нерчинского Завода, которые обыкновенно играют во время стола; но музыка, могу сказать, довольно хорошая... По всему видно, что их уши не привыкли к стройной гармонии и мелодическим звукам;

их можно расшевелить разве только звуками потрясающими: дребезжащим разбитым горном, барабаном или даже, может быть, только трещоткой²⁷.

Такое же, продолжавшееся до позднего вечера празднование устраивалось на следующий день на китайском берегу для русских. Китайцы обычно прощались с гостями оружейными залпами. Обмен товарами, следовавший за этим, происходил на русском и китайском берегах попеременно. Воспоминания Кашина и Гиллера рисуют сложную картину культурных зон взаимодействия русских, китайцев и коренного населения фронта, которая не ограничивалась лишь товарообменом, а включала и другие аспекты соприкосновения культур, например различия в представлениях о музыкальном сопровождении ужина.

В этой главе рассматриваются взаимоотношения населения фронта в годы, следовавшие за первыми контактами русских и китайцев на Аргуни в начале XII века, когда государственная граница еще не была очевидной, вплоть до конца XIX века, когда железные дороги, телеграф, структура таможенного контроля и другие элементы современности стали менять жизнь во фронтире.

Отношения между Российской и Китайской империями на общем степном фронтире в этот период можно разделить на три этапа. Первый этап продлился до конца XII века. Казаки в это время прибыли в Забайкалье и начали контактировать с монгольской знатью, а династия Цин установила власть над Хулун-Буиром. Обе империи в это время боролись за господство в Амурском бассейне. Границы между ними были очерчены только в результате заключения Нерчинского и Кяхтинского договоров в 1689 и 1728 годах соответственно. Вторым этапом, длившийся примерно с 1728 по 1851 год, характеризовался равновесием сил между Пекином и Санкт-Петербургом и установлением постоянной, но неполноценной границы, контролируемой обеими сторонами. Этот этап также характеризуется учащением приграничных контактов, в частности через Кяхту, ставшую местом круглогодичной приграничной торговли. Третий и последний этап продолжался с 1851 года и до конца XIX века. Тогда произошло усиление влияния России, которая при поддержке недавно образованного Забайкальского казачьего войска включила в свои границы территории севернее Амура и восточнее реки Уссури. В этот период Забайкалье было полностью включено в административную систему Российской империи, а русские казачьи войска начали распространять свое косвенное влияние на китайский берег реки Аргунь.

²⁷ *Кашин Н. И.* Ежегодный выход мэргэнцев на р. Аргунь для осмотра границы и для торговли с жителями Приаргуны // Записки сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск: Тип. окружного штаба, 1867. Кн. 9–10. С. 573–574.

НАЧАЛО РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: УСТАНОВЛЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ

Россия и Китай начали опосредованно контактировать в период Монгольской империи (рах *mongolica*). Казаки в годы правления Ивана Грозного, возможно, стали первыми русскими, попавшими в Китай, однако они не получили императорской аудиенции²⁸. Российская экспансия в Сибирь и на территории восточнее озера Байкал привела к возникновению регулярных контактов между двумя метрополиями. Российские крепости в Сибири появились в Тюмени (1586), Томске (1604), Енисейске (1619) и Иркутске (1654). Из всех прибывающих в эти места людей именно казаки являлись основной силой российских завоеваний²⁹.

Российская колонизация Восточной Сибири совпала по времени с усилением власти маньчжур – тунгусского народа, населявшего Маньчжурию. Экспансия маньчжур на север и на запад привела к движению двух разраставшихся сил навстречу друг к другу, к неизбежному их столкновению и создала общий нахлестывающийся фронт. Незадолго до прихода к власти в Китае в 1644 году маньчжуры сформировали союзные отношения с соседними монгольскими племенами. В результате этого в 1636 году Внутренняя Монголия оказалась под их контролем. Халха – восточная часть Внешней Монголии оказалась под цинским управлением между 1655 и 1691 годами, а западно-монгольские ойраты, которые населяли Джунгарию, были завоеваны в 1750 году. Если империя Мин (1368–1644) напоминала национальное государство, а границы ее примерно совпадали с районами расселения этнической группы хань, империя Цин была многонациональной, а маньчжуры занимали в ней главенствующее место³⁰.

Первый прямой контакт России и Китая произошел несколько позже, когда в 1618 и 1619 годах в Пекин была отправлена первая российская миссия, которую возглавил казак Иван Петлин. Следующая миссия была отправлена только спустя тридцать с лишним лет, с 1653 по 1657 год, в этот раз под руководством Федора Исаковича Байкова. Дальнейшие контакты носили случайный характер и часто оказывались менее значимыми, чем столкновения Китая и России на их пересекающихся имперских перифериях. Эти миссии часто носили двойственную экономическую и дипломатическую цель³¹.

Между тем казаки прибыли на территории восточнее озера Байкал и вдоль реки Амур в середине XVII века. В Восточном Забайкалье русские создали первые постоянные и укрепленные пограничные заставы в 1650-х годах. Эти остроги, в особенности крепость Нерчинск (1654) на реке Шилке, вскоре превратились в центры экономических и дипломатических обменов с представителями племен, населяющих фронт. Несмотря на то что русские начали подчинение автохтонных тунгусских и монгольских племен, заставляя их выплачивать подать, известную как «ясак», их присутствие в этих землях оставалось рассеянным и незначительным. Кроме того, последующие десятилетия ознаменовались несколькими конфликтами с коренным населением лесов и степей Забайкалья³².

²⁸ *Mancall M. Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. P. 35–37.* Амбициозное описание трансформации евразийских обществ, начиная с бронзового века по сегодняшний день, предложено в: *Beckwith C. I. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. Princeton: Princeton University Press, 2009.*

²⁹ *Mancall M. Russia and China. P. 9–20; Азиатская Россия: Издание переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. СПб.: Переселенческое управление, 1914. Т. 1. С. 5–11, 361–367 в разных местах.*

³⁰ *Crossley P. K. The Manchus. Cambridge, MA: Blackwell, 1997. P. 78–101 passim; Perdue P. C. China Marches West. P. 94–129.*

³¹ Торговые караваны часто не достигали дипломатических целей, так как китайский императорский двор относился к российским торговым караванам как к варварам, платящим дань. Экономически, однако, они были достаточно успешными. Более подробно о ранней караванной торговле см.: *Mancall M. Russia and China. P. 41–110, 163–207 passim.*

³² Огромный труд Афиногена Прокопьевича Васильева, забайкальского казачьего офицера, и по сей день остается одним из самых исчерпывающих и точных исследований этого вопроса. О ранней истории казачьего заселения Забайкалья см.: *Vasi-*

Хулун-Буир – территория к востоку от реки Аргунь оказалась под российским влиянием, когда тунгусский князь Гантимур, не желая признать маньчжурское правление, принял в 1675 году российское подданство. Князь получил командование над Тунгусским казачьим полком, ответственным за патрулирование нерчинского участка российско-цинского фронта. Однако вскоре российские завоеватели с удивлением обнаружили, что маньчжуры относят к своим владениям весь Амурский бассейн и территории к западу от горного хребта Большой Хинган. Строительству российских крепостей вдоль Амура и Аргуни воспрепятствовали превосходящие маньчжурские войска, конфликт с которыми завершился осадой русского острога Албазин на Амуре в 1685 и 1686 годах³³.

Сорок лет враждебности между русскими казаками и китайскими знаменными войсками и борьба за Албазинский острог привели к необходимости мирного разграничения и демаркации границ между Пекином и Москвой на этой территории. Демонстрация военной силы маньчжуров, возглавляемых императором Канси, подтолкнула русских к переговорам. Москва в поисках мирного решения направила Федора Алексеевича Головина в качестве первого полномочного посла к китайскому императору, заложив, таким образом, основу нового периода китайско-российских отношений, характеризующегося скорее приспособлением, чем конфликтом.

Возвращаясь из Пекина в августе 1689 года, в российской пограничной крепости Нерчинск Головин встретился со своим маньчжурским коллегой главой Императорского секретариата Сонготу для принятия первого существенного соглашения между двумя силами. Нерчинский мирный договор впервые определил фронтир между Россией и Китаем. Кроме того, это было самое первое когда-либо подписанное соглашение между Китаем и европейским государством. Договор заложил основы мирного урегулирования вопросов между двумя державами на более чем полтора столетия.

Первый из шести коротких пунктов, вошедших в договор, определил границу на спорных территориях. Западный приграничный участок, согласно ему, пролегал вдоль основного течения Аргуни, таким образом, Хулун-Буир был выведен из-под российского влияния. Северный участок границы начинался от реки Горбицы (сейчас Амазар) – левого притока реки Шилка и, извиваясь, проходил до Охотского моря. Все северные склоны Станового Хребта и реки, протекающие на север от реки Лены, доставались России, а реки, протекающие на юг от Амура, – Китаю. Таким образом, согласно этому договору, Россия теряла амурский выход к Тихому океану. Китай с точки зрения территориальной суверенности, бесспорно, оказался в более выигрышном положении. Однако Нерчинский мирный договор позволил Москве установить прямые торговые связи с Пекином, а некоторые российские торговцы получили от Китая охранные грамоты³⁴.

Маньчжуры ко времени заключения Нерчинского договора еще не установили полный контроль над кочевыми племенами, населявшими северную периферию империи. Вытесняя дальше на запад сопротивлявшихся ойратов, маньчжуры настаивали на заключении нового договора с Россией. Китайский императорский двор опасался возможной поддержки ойратов русскими и того, что непокорные подданные могут перейти к ним. Однако цинское господство на новых территориях открыло во фронтире торговые возможности. Поэтому в 1728 году российские и цинские чиновники заключили Кяхтинский договор – второе важнейшее соглаше-

льев А. Забайкальские казаки: исторический очерк. Чита: Тип. воинского казачьего правления забайкальского войска, 1916. Т. 1–3 (особенно т. 1). С. 47–51, 70–74, 102–116, 130, 144–145, 191–195.

³³ См.: *Mancall M. Russia and China*. P. 20–32, 111–140 *passim*. О столкновениях с маньчжурами в Амурском бассейне см.: *Васильев А. Забайкальские казаки*. Т. 1. С. 178–188.

³⁴ *Mancall M. Russia and China*. P. 141–162 *passim*, 280–283 – текст договора; *Васильев А. Забайкальские казаки*. Т. 1. С. 196–201; *Границы Китая: история формирования* / Ред. В. С. Мясников, Е. Д. Степанов. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 84–89.

ние между двумя государствами. По большому счету оно подтвердило условия Нерчинского договора, более детально определив границы. Созданная для этой цели совместная комиссия проинспектировала и формально демаркировала границу, установив 63 каменных тура, точное местоположение которых было описано в двух дополнительных протоколах. Работа по демаркации на западных территориях была осуществлена с помощью хори-бурятов. Таким образом, у местного населения появилось представление о том, где заканчивались их племенные земли и начинались земли соседей³⁵.

Остальные положения Кяхтинского договора по большому счету оговаривали межграницные перемещения людей и товаров. Автохтонные кочевые охотники и скотоводы должны были ограничить свою сезонную миграцию. Благодаря более четкой демаркации границы теперь они хотя бы в теории контролировались государствами. Наконец, несколько пунктов договора определили то, что вскоре будет характеризовать уникальные отношения между двумя странами: российский двор получил разрешение разместить своих представителей в Пекине посредством учреждения церковной миссии, квазидипломатического посольства и языковой школы в цинской столице³⁶.

Новое соглашение свело торговлю на границе в Кяхту и Староцурухайтуй. После подписания Нерчинского договора русские караваны, направлявшиеся в Пекин, стали наиболее значимой формой коммерческого и политического обмена. Однако караванная торговля была опасным предприятием, так как бродячие монгольские разбойники грабили торговые конвои и сложные погодные условия также оказывались препятствием. Малонаселенный Аргунский бассейн представлял собой особенно опасный участок таких путешествий. Сильные летние дожди 1692 года привели к затоплению притоков Аргуни в дельте Трехречья, что значительно усложнило перемещение на верблюдах и лошадях каравана, которым руководили Адам Бранд и Избрант Идес. Это был первый официальный караван, прибывший в Пекин после подписания Нерчинского договора. Несмотря на то что граница на Аргуни была установлена тремя годами ранее, настоящий пограничный контроль существовал только на словах – этот караван добрался наконец до китайского сторожевого поста спустя почти месяц движения по китайской территории. Всего четырнадцать караванов достигли Пекина в период между подписанием Нерчинского и Кяхтинского договоров, и многие из них испытали подобные сложности³⁷.

³⁵ Foust C. M. *Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and Its Setting, 1727–1805*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969. P. 24–43 passim; Васильев А. Забайкальские казаки. Т. 2. С. 18–20; Границы Китая: история формирования. С. 89–94; Mancall M. *Russia and China*. P. 236–249, 302–310.

³⁶ Foust C. M. *Muscovite and Mandarin*. P. 44–52; Mancall M. *Russia and China*. P. 249–255; Widmer E. *The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the Eighteenth century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976; Meng S. *The E-Io-ssu Kuan (Russian Hostel) in Peking* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1960. Vol. 23. P. 19–46.

³⁷ Миссия Идеса описана в: Mancall M. *Russia and China*. P. 188–194. Специфика пересечения границы в низовьях Аргуни описана в: Brand A. *Beschreibung der dreijährigen Chinesischen Reise: Die russische Gesandtschaft von Moskau nach Peking 1692 bis 1695 in den Darstellungen von Eberhard Isbrand Ides und Adam Brand* // *Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa* / Ed. M. Hundt. Stuttgart: Steiner, 1999. В. 53. S. 148–151. Николай Гаврилович Спафарий описал сложности, с которыми столкнулась его посольская миссия, пересекая Аргунь зимой 1675 года, см.: Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1882. С. 140–150.

Ил. 2. Уличная сцена в Майнмачене (1885 или 1886), китайской торговой слободе, расположенной непосредственно на другой стороне границы от Кяхты. Более полутора сотен лет эта торговая система доминировала на границе в двустороннем обмене чаем, мехами и другими товарами (Библиотека Конгресса; LOT 13251)

Необходимость урегулирования торговли обоими государствами была очевидной. После подписания Кяхтинского договора Пекин и Санкт-Петербург создали новую систему торговли – так называемый Кяхтинский торг. Эта система, в отличие от китайской торговли с западными странами (Кантонская система), способствовала возникновению новой формы официальной караванной торговли на двух, официально признанных, участках фронта, постепенно заменив неформальную российскую караванную торговлю с китайской столицей³⁸.

Кяхта, согласно новой схеме, стала важнейшим торговым пунктом и, возможно, благодаря этому, единственной хорошо охраняемой территорией на русско-китайском фронтире³⁹. Расположенный на границе с Монголией город процветал в результате межграницной торговли с китайским Маймаченом (Алтанбулаг), вопреки многочисленным проволочкам, вызванным мораториями Китая на торговлю. Более чем сто пятьдесят лет кяхтинский бартерный торг являлся основной системой обмена. Плиточный и высококачественный чай был главным китайским товаром. Кроме того, китайцы предлагали желтый табак, шелка и хлопок в обмен на быков, лошадей, овец и других животных из России, а также шкуры, лисьи и соболиные меха. Только с увеличением торгового судоходства в середине XIX века кяхтинская торговля начала угасать. Транссибирская железная дорога на рубеже XX века лишила наконец Кяхту

³⁸ Foust C. M. Muscovite and Mandarin. P. 46–48.

³⁹ Никто не мог самовольно пересечь кяхтинский участок российско-цинской границы с момента ее установления. На этом важном участке границы правила соблюдались более строго, чем где-либо еще, были введены существенные штрафы за незаконное пересечение границы и отклонения от предписанных торговых маршрутов. См.: Нацагдорж Ц. Б. О причине подписания «международного протокола» между Цинской и Российской империями в 1792 году в Кяхте // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: История и современность / Ред. Б. Нанзатов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 73–101.

ее былой экономической роли континентального перевалочного пункта, что будет показано во второй главе⁴⁰.

Вторым особым фронтирным торговым центром стал созданный в 1728 году Староцурухайтуй. Он располагался на старом главном торговом пути между Россией и Китаем, поэтому существовал на карте и раньше. Караваны регулярно пересекали его в конце XVII века. Однако плохие пастбища, удаленность источников древесины и регулярные затопления Аргунью делали это поселение непривлекательным. Неудобным оно было и для торговли, так как располагалось далеко от торговых центров Сибири и Монголии. Этот торговый пункт на Аргуни с трудом мог соревноваться с шумными соседями – Кяхтой и Маймаченом. Долгое время торговые обороты Староцурухайтуя были так малы, а сам он был так удален от административных центров, что русские вообще не осуществляли там таможенных сборов. Староцурухайтуй просто не мог предложить ничего, чего не было бы в Кяхте⁴¹.

Желание русских ограничить торговлю определенными местами на русско-китайском фронтире объясняется стремлением ввести там сбор налогов. Поэтому именно благодаря торговым соглашениям между Россией и империей Цин, изложенным в Кяхтинском договоре 1728 года, возник российский таможенный контроль на азиатских территориях. Российский таможенный комплекс в Кяхте стал крупнейшим в своем роде в Сибири⁴². Цинский двор поддерживал податные отношения со многими соседями, а подобный таможенный контроль на северной границе Китая отсутствовал⁴³. Однако, несмотря на регулирование, кяхтинский торг не гарантировал прекращения межграницного обмена товарами за пределами эти двух торговых центров на русско-цинском фронтире⁴⁴.

⁴⁰ Foust C. M. *Muscovite and Mandarin*. P. 73–82, 91–96, 330–342. Даже в 1892 году Кяхта оставалась ключевым центром торговли Китая с Россией, через нее осуществлялось примерно 99 % всего объема официальной двусторонней торговли в Забайкалье. Статистические данные приведены в: Обзор Забайкальской области за 1892 год. Чита: Забайкальский областной статистический комитет, 1893. С. 7–8. Об экономическом угасании Кяхты см.: *Птицына В. В.* Селенгинская Даурия: Очерки Забайкальского края. СПб.: Типолиитография Б. Вульфова, 1896. С. 149–163 в разных местах.

⁴¹ Foust C. M. *Muscovite and Mandarin*. P. 83–85, 233–234, 342–344; *Васильев А.* Забайкальские казаки. Т. 2. С. 26–28.

⁴² Еще в 1698 году Петр I издал указ, согласно которому товары частных торговцев не должны были инспектироваться нигде, кроме Нерчинска. Дальновидная поправка, внесенная Екатериной II, отменила внутренние таможенные границы в 1750-х годах, тогда как тарифы, взимаемые на внешних границах за иностранные товары, были увеличены: Foust C. M. *Muscovite and Mandarin*. P. 8–9, 223–225.

⁴³ Только после Первой опиумной войны (1838–1842), когда европейские представления о международных отношениях пришли в Китай, была установлена современная система таможенного контроля. Происхождение, принципы и цель этих таможенных органов описаны в: *Little L. K.* Introduction // *The I. G. in Peking: Letters of Robert Hart, Chinese Maritime Customs, 1868–1907 (Letters Written to J. D. Campbell)* / Ed. J. K. Fairbank et al. Cambridge, MA: Belknap, 1975. P. 3–34; *Brunero D.* Britain's Imperial Cornerstone in China: The Chinese Maritime Customs Service, 1854–1949. London: Routledge, 2006. P. 10–21, а также: *Ven H. van de.* Breaking with the Past: The Maritime Customs Service and the Global Origins of Modernity in China. New York: Columbia University Press, 2014. P. 22–102 passim.

⁴⁴ О незаконной торговле чаем и золотом в районе Кяхты в 1860-х годах см.: *Стахеев Д. И.* От Китая до Москвы: История ящика чая. СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1870. С. 35–68.

КОЛОНИЗАЦИЯ ФРОНТИРА: ТУНГУСЫ, БУРЯТЫ, СОЛОНЫ И РУССКИЕ НА АРГУНИ

После демаркации аргунской границы российский двор проявил большую решительность в деле заселения вновь присоединенных территорий Забайкалья лояльными подданными, чем цинская империя в Хулун-Буире. Однако по сравнению с соседними российскими областями колонизация Забайкалья протекала менее интенсивно. Российская миграция в область началась в середине XVII века и набрала обороты после указа о сельскохозяйственной колонизации Забайкалья, который был принят в 1799 году⁴⁵. Важнейшую роль в увеличении численности населения сыграло переселение этнических русских из европейских частей империи и эмиграция монголов из Кяхты и Хулун-Буира в Забайкалье. Множество этнических групп проживало в этой русской провинции, но две группы численно доминировали вплоть до середины XIX века.

Первая группа – «иностранцы» (термин использовался для обозначения различных этнических меньшинств империи), к которым относились платившие подати и ведущие традиционный образ жизни народы. Государственная бюрократия разделила автохтонное население на несколько подгрупп, две из которых проживали в Забайкалье: хори-буряты – кочевой народ, состоявший из самых разнообразных монголо-говорящих родов, населял южную и западную части области, и тунгусы – кочевники, промышлявшие охотой, собирательством и оленеводством, населяли ее север и восток. Ко второй группе относились оседлые русские, за исключением казаков и некоторых староверов, они обычно строили свои дома в удаленных от аргунского фронта районах. Староверы, высланные в этот регион в XVIII веке, испытывали недовольство тем, что казаки занимали лучшие земли, и проявляли враждебность в отношении бурят и тунгусов. Другие православные переселенцы избегали староверов по религиозным соображениям. Ранее крестьяне переселились в Нерчинский горный округ на реке Шилка после того, как там в конце XVII века были обнаружены крупные месторождения серебра и других металлов. Увеличившаяся армия каторжников в начале XVIII века постепенно заменила крестьян на шахтах. Нерчинские крестьяне превратились в казаков и в 1851 году стали основой Забайкальского казачьего войска⁴⁶.

Другие народы, населявшие Забайкалье, по сравнению с ранними крестьянами и иностранцами не играли существенной роли до середины XIX века. Например, в 1784 году только 4790 человек (или 8 % от общего числа населения, составлявшего 57 518 человек) были казаками, из них только небольшая часть проживала вдоль российско-цинского фронта⁴⁷. Демографическая структура сельского населения Забайкалья значительно изменилась к 1897 году, когда была проведена первая и единственная перепись населения в Российской империи. Население области состояло из трех групп, каждая из которых насчитывала примерно треть населения: оседлые крестьяне (31,8 %), коренное население («иностранцы») – кочевые буряты, а также тунгусы, проживавшие на севере (30,5 %), и казаки (29,7 %), каждый пятый из которых имел

⁴⁵ Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы. Исторические сведения / Сост. А. П. Щербачев. СПб.: Гос. тип., 1898. Вып. 5. С. 5–18 в разных местах.

⁴⁶ Азиатская Россия. Люди и порядок. СПб.: Изд. переселенческого управления землеустройства и земледелия. Переселенческое управление, 1914. Т. 1. С. 123–130, 132–143; Высочайше учрежденная комиссия. Вып. 5. С. 19–52 в разных местах; Энциклопедия Забайкалья: Читинская область / Ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1. С. 152–156, 167–171, 182–187, 204–208.

⁴⁷ Так, в Восточном Забайкалье (Нерчинский округ) подавляющее большинство населения составляли платящие ясак коренные жители (22 627) и крестьяне (15 251). Только около половины от 1890 русских, 2353 хори-бурятских и порядка 500 тунгусских казаков проживало вдоль границы: Васильев А. Забайкальские казаки. Т. 2. Прил. 2; Энциклопедия Забайкалья. Т. 1. С. 212–214.

бурятские или тунгусские корни. Оставшиеся 8 % составляли в основном ссыльные и вновь прибывшие крестьяне. Демографическая композиция территорий, соседствующих с Китаем, в особенности на берегах рек Онон, Ингода, Шилка и Аргунь, отличалась от центральных районов Забайкалья. Большая часть жителей здесь состояла из коренных народов и этнически русских казаков: их доля составляла 99 % в Акшинском округе и 57 % в Нерчинско-Заводском округе. Напротив, только 7 % населения в более центрально расположенном Читинском округе составляли казаки. Даже в 1910 году население Акшинского и Нерчинско-Заводского округов, которые граничат с Китаем, оставалось в основном казацким. Плотность населения в обоих округах вместе только незначительно превышала одного человека на один квадратный километр, и порядка 63 % всей этой территории представляли собой земли, которыми в основном пользовались кочевые народы, фактически они определялись как «незаселенные»⁴⁸.

Несмотря на поощрение государством, осуществляемое уже с начала 1800-х годов, добровольная миграция в районы восточнее озера Байкал осуществлялась значительно медленнее, чем в другие части Сибири. После того как Николай Николаевич Муравьев – генерал-губернатор Восточной Сибири – занял Амур, поток поселенцев двинулся дальше на восток, но не в Забайкалье. Поэтому на протяжении многих десятилетий Забайкалье существовало в качестве коридора или транзитной территории⁴⁹. Земельные реформы, начатые председателем Совета министров Петром Аркадьевичем Столыпиным, слабо отразились на сельской жизни аргунского фронта. В ноябре 1906 года консервативный государственный деятель издал указ, позволивший каждому крестьянскому двору заявить индивидуальное владение наделом земли и выйти из общины⁵⁰. Такая политика на территориях восточнее озера Байкал не только способствовала бы созданию класса мелких фермеров, которые оказали бы стабилизирующее воздействие в сельской местности и поддержали бы самодержавие. Посредством увеличения миграции в Сибирь и на Дальний Восток из Центрального Черноземья, где земель было недостаточно, она также означала содействие в создании колониального щита против демографической «желтой угрозы». Несмотря на открытие новых земель для заселения, в Забайкалье реформа имела только незначительный успех, и русская колонизация оставалась неравномерной. Реформа имела небольшое значение для восточной части области, так как доля вновь прибывших поселенцев в его сельские районы была небольшой. Забайкалье было в числе наименее привлекательных направлений миграции (наибольшее число новых поселений возникло в Западной Сибири), и русские крестьяне практически отсутствовали на аргунской границе с Китаем⁵¹.

Буряты в Забайкалье продолжали вести свой прежний образ жизни. Наиболее многочисленные и культурно заметные племена в Восточном Забайкалье были хори-буряты. Несколько хори-бурятских родов к XIX веку заняли Агинскую степь. Это пологая равнина, простирающаяся примерно на сто километров в юго-восточной части Забайкальской области между реками Онон и Ингодой, однако большинство хори продолжали жить на западе от Аги в долинах ближе к озеру Байкал⁵². 38 584 буряты проживали в 1908 году в двух волостях – Агин-

⁴⁸ Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области: Материалы. Население, значение рода и ламаизм / Сост. Н. Разумов, И. Сосновский. СПб.: Гос. тип., 1898. Вып. 6. С. 28–56 в разных местах. Таблицы на с. 49, 54–55; *Энов Н. И.* Забайкальское казачье войско. Нерчинск: Тип. М. Д. Бутина, 1889. Таблица на с. 22.

⁴⁹ Энциклопедия Забайкалья. Т. 1. С. 166–171.

⁵⁰ Этот указ положил начало аграрной реформе. См.: *Ascher A. P. A. Stolypin: The Search for Stability in Late Imperial Russia.* Stanford: Stanford University Press, 2001. P. 155–164; *Pallot J.* Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford: Clarendon, 1999. Passim.

⁵¹ Обзор Забайкальской области за 1910 год. Чита: Изд. Забайкальского областного статистического комитета, 1911. С. 80–81. Общее описание и сравнение с другими областями можно найти в: *Азиатская Россия.* С. 466–492 в разных местах (особенно интересна карта на с. 490).

⁵² Краткая и доступная история Агинской степи и ее жителей в 1900 году изложена в: *Азиатская Россия: иллюстрирован-*

ской и Цугольской (прежде относящихся к органу местного самоуправления – Агинская степная дума)⁵³. Вплоть до начала XX века хори-буряты Агинской степи оставались кочевниками, разводившими лошадей, крупнорогатый скот, верблюдов, коз и овец. Русское слово «кочевник» выходило за рамки чисто юридического термина и обозначало специфический образ жизни. Отношения между хори-бурятами в Забайкалье и русскими носили более продолжительный характер, чем контакты монголов Хулун-Буира и Халхи с ханьцами – хори-буряты присягнули царю еще в середине XVIII века. Однако по сравнению с бурятами, проживавшими на запад от озера Байкал, только немногие из забайкальских кочевников культурно ассимилировались. Буряты Агинской степи сохраняли наиболее высокую степень мобильности по сравнению со всеми другими племенами региона. Девять из десяти бурятских семей в Агинской степи к началу века все еще проживали в юртах⁵⁴.

Обобщая статистику, можно утверждать, что число жителей Забайкалья в период между концом XVIII и концом XIX века выросло с 57 518 человек в 1784 году до 672 072 в 1897 году. Этнические русские к этому времени составили почти две трети всего населения (442 744). Доля же двух основных групп коренных народов: бурят и эвенков (русские называли их «тунгусы») уменьшилась и составила менее трети от общей численности населения, другими словами, 177 970 и 34 403 человека соответственно⁵⁵. Численность китайцев, в основном торговцев и шахтеров, все еще была незначительной. Наибольшее число китайцев проживало в Чите (517 человек) и в районах золотых приисков. Однако постоянных китайских поселений на российском берегу Аргуни не было⁵⁶.

Этническая ситуация в Хулун-Буире – на китайской стороне аргунского фронта – значительно отличалась. Здесь проживали представители разных групп коренного населения, при этом ханьские китайцы в регионе отсутствовали. В 1808 году в этом стратегически важном регионе проживало 29 713 человек. В течение следующего столетия это число возросло лишь незначительно и в 1912 году составило 32 633 человека⁵⁷. Население Хулун-Буира в конце XIX века насчитывало менее трети всего населения двух сопоставимых с ним по размеру соседних районов Забайкалья⁵⁸. Гораздо более низкая плотность населения здесь в значительной мере объяснялась тем, что китайский фронтир сохранил местную специфику. Более того, правители осознавали особую природу этой местности. Вплоть до второй половины XIX века цинское правительство запрещало миграцию ханьских китайцев в Маньчжурию и Монголию. Китайские крестьяне и сами не стремились осваивать земли в этих лесах или степях. Хулун-Буир, отрезанный от центра Маньчжурии Большим Хинганским хребтом, был еще более изолирован. Следующие главы продемонстрируют, что, помимо китайцев, работавших на золотых приисках в низовье Аргуни, или проживавших в поселках железнодорожников, численность населения ханьского происхождения была незначительной, а начнет она массово расти только в последние десятилетия XX века⁵⁹.

ный географический сборник / Сост. А. Крубер и др. М.: Т-во И. Н. Кушнерев и Ко., 1903. С. 463–469.

⁵³ Труды Агинской экспедиции / Ред. Д. М. Головачев. Чита: Паровая Тип. Заб. Т-ва печ. дела, 1911. Вып. 7. С. 10–11.

⁵⁴ Там же. С. 69–70; *Петерсон Н. Л.* Возможность и условия поземельного устройства забайкальских кочевых инородцев: докладная записка по поводу командировки в Забайкалье летом 1900 г. СПб.: Гос. тип., 1901. С. 1–13.

⁵⁵ *Васильев А.* Забайкальские казаки. Т. 2. Прил. 2 (за 1784 год); *Азиатская Россия*. Т. 1. С. 82–85 (таблица за 1897 год).

⁵⁶ ГАЧО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 91. Л. 205 – 207 об.

⁵⁷ *Lattimore O.* The Mongols of Manchuria. P. 156 (за 1808 год); *Меуцкерский А. С.* Автономная Барга. Шанхай: Русское книгоизд-во, 1920. С. 15 (за 1912 год).

⁵⁸ Акшинский и Нерчинско-Заводский округа вместе были сопоставимы по размеру с соседним Хулун-Буиром. Согласно переписи 1897 года, 107 968 человек проживали в обоих районах: Высочайше учрежденная комиссия. Вып. 6. С. 30.

⁵⁹ *Стрельбицкий И. И.* Отчет о путешествии в 1894 году по Маньчжурии // Записки Приамурского отделения РГО. Хабаровск: Типолит. канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1896. Т. 1. Вып. 4. С. 222. О начале колонизации Маньчжурии ханьскими китайцами в XIX веке см.: *Описание Маньчжурии* / Ред. Д. Позднеев. СПб.: М-во фин., 1897. Т. 1. С. 235–249.

Племенная структура населения Хулун-Буира возникла в XVII веке, когда маньчжуры попытались создать буфер против усиливающего влияние русских. Цинский двор установил гибридную систему административного деления с характеристиками как маньчжурской Восьмизнаменной армии, так и самостоятельной знаменной системы⁶⁰. Такое этническое формирование и административная структура останутся относительно неизменной вплоть до падения династии Цин, тогда в регионе еще преобладали следующие племена. Первое – около восьми тысяч членом знамен солонов формировали значительно «монголизированный» тунгусский этнический конгломерат, состоявший из некоторых даурских и эвенских народов, которые вели кочевую жизнь скотоводов на богатых пастбищах на восток и юг от Хайлара. Чипчины – второе племя, в 1912 году насчитывавшее примерно пять тысяч человек. Это так же были кочевые скотоводы, населявшие сухую степь между Хайларской долиной и дельтой Трехречья. Солоны и чипчины были последователями шаманизма. Другое свое название «старые баргуты» они получили в связи с тем, что прибыли сюда с первой группой мигрантов – несколькими сотнями солонских, чипчинских и даурских солдат, собранных императором Юнчжэном в долине реки Нэньцзян и продвинувшихся затем на запад через хребет Большой Хинган для создания гарнизона Хайлар. Третье наиболее крупное племя, насчитывавшее семнадцать тысяч человек, состояло из монгологоворящих бурятов, которые проживали в травянистых степях в окрестностях озера Далайнор на юго-западе Хулун-Буира. Уходя от наступающих русских, в XVII веке они переселились из своих родных земель в Халхе южнее озера Байкал на восток. Этим последователей ламаистского буддизма называли «новыми баргутами», потому что они появились в этой местности только во время правления маньчжуров после 1735 года. Ороконы – подгруппа тунгусо-маньчжурских народов – составляли четвертое племя. Около двух тысяч ороконов проживали в Северо-Восточном Хулун-Буире, недалеко от гребня хребта Большой Хинган. Промышляя оленеводством, они не относились ни к «старым», ни к «новым баргутам». Последнее племя – олёты, эта небольшая группа состояла в 1912 году лишь из нескольких сотен человек. Говорившая на диалекте монгольского языка группа проживала в южных долинах Большого Хинганского хребта⁶¹. Однако к этому времени разница между «старыми» и «новыми баргутами» по большому счету потеряла значение. Продолжая традицию маньчжурского административного деления, эти довольно разные группы были организованы по этническому признаку в семнадцать знамен. Монгольский стиль пастушьего кочевничества был наиболее распространен среди этих народов, а их общим письменным языком был маньчжурский⁶². Таким образом, вдобавок к этничности и религии административная привязка так же стала решающим фактором в формировании сложного чувства принадлежности этих племен. Коренные народы Хулун-Буира для простоты назывались «баргуты».

⁶⁰ См. также: *Lee R. H. G. The Manchurian Frontier in Ch'ing History.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970. P. 24–40. Знамена (хошуны) представляли собой административные единицы среднего размера, находящиеся под управлением потомственных князей. Они состояли из более мелких единиц (сомоны). Знамена были частью лиг (аймаки). Описание общей структуры маньчжурской знаменной системы см.: *Shao D. Remote Homeland, Recovered Borderland.* P. 25–67 passim.

⁶¹ *Меицерский А. С. Автономная Барга.* С. 223–227, 232–233; *Кормазов В. А. Барга: Экономический очерк.* Харбин: Тип. КВЖД, 1928. С. 45–47; *Lattimore O. The Mongols of Manchuria.* P. 155–169 passim; *Janhunen J. Manchuria: An Ethnic History.* P. 55–56, 68–72; *Atwood C. State Service, Lineage and Locality in Hulun Buir // East Asian History.* 2005. Vol. 30. P. 6–7.

⁶² Восемь знамен было у бурятов, по четыре у солонов и чипчинов, одно – у олёт. Орочины не были включены в знаменную систему: *Hulunbei'er gaiyao // Zhongguo bianjiang shizhi jicheng, Neimenggu shizhi.* 1930. Beijing: Quanguo tushuguan wenxian suowei fuzhi zhongxin, 2002. Vol. 41. P. 82–85; *Боржисский Ф.* Краткое историко-географическое и статистическое описание Хулунбуирской области. Иркутск: Тип. Т-ва печатн. дела, 1913. С. 14–25. В результате эмиграции хори-бурятов из Забайкалья во время Гражданской войны в России число знамен увеличилось до 18. Однако бурятские беженцы оставались легально и социально отделены от принявшей их барги. Об административном делении в 1920-х годах, см.: *Кормазов В. А. Барга.* С. 59–66 в разных местах.

КАЗАКИ И ЗНАМЕННЫЕ: ДОМОДЕРНЫЕ ФОРМЫ КОНТРОЛЯ ФРОНТИРА

Несмотря на различия в способах колонизации фронта еще со времени подписания Нерчинского и Кяхтинского договоров и китайские, и российские государственные деятели видели пользу в усилении контроля над перемещениями через границу. Небольшие груды камней, использованные для ее демаркации, не обеспечивали контроль метрополий над потоками людей и товаров и не способствовали формированию лояльного местного населения. Защита забайкальского, простиравшегося почти на две тысячи девятьсот километров фронта с Китаем была нелегкой задачей⁶³.

Сразу после подписания Нерчинского договора в 1689 году Пекин для контроля новой границы с Россией направил войска из гарнизона Цицикар. Однако только после подписания Кяхтинского договора в 1728 году цинское правительство организовало постоянную охрану фронта. Именно в этот переходный период впервые в китайской истории была сформирована полноценная структура пограничного управления, которая позволила государству определить границы и установить постоянную защиту рубежей. Это повлекло за собой создание в Маньчжурии гарнизонов: Айгунь на Амуре (1683), Мерген (1690), Цицикар (1691) и Хайлар (1732), последний располагался в степях Хулун-Буира. Тунгусские племена северной Маньчжурии как знаменные войска были включены в императорскую систему охраны. Вдоль нового фронта с Россией маньчжуры начали возведение 47 караульных постов (калуни). Между соседними постами, так же как и русские, они обозначали линию границы небольшими турами. Двенадцать сторожевых постов были установлены вдоль внешней границы Хулун-Буира: девять вдоль Аргуни и три на сухопутной границе с Забайкальем. Автохтонные знаменные войска сменялись между этими постами каждые три месяца. Таким образом, цинский двор использовал местные коренные народы для подтверждения этого фронта как части своих владений⁶⁴.

Императорский двор Юнчжэна постепенно увеличивал военное присутствие в Хулун-Буире. В 1743 году для командования всеми знаменными войсками в Хулун-Буире в недавно основанный гарнизон Хайлар был назначен генерал-лейтенант. Между Цицикаром и Хайларом были открыты десять почтовых станций – это было необходимо для ускорения коммуникации и усиления связи с центральными частями провинции Хэйлунцзян. Физическое укрепление китайского фронта с Россией в Хулун-Буире продолжилось на протяжении XIX века. Внутренние и внешние кольца караульных постов сблизались за счет добавления новых постов вверх по течению Аргуни, созданных в основном для пресечения деятельности русских старателей на китайском берегу реки⁶⁵.

Такой способ контроля фронта просуществовал вплоть до начала XX века. Пополнение войск и установление дополнительных караульных постов продолжалось и в последние годы цинского правления. Китайский караульный пост на Аргуни, расположенный напро-

⁶³ Русские разделили эту границу на три участка. Цурухайтуйский участок на востоке, в который вошла территория, исследуемая в этой книге, простирался примерно на две тысячи километров. Это был самый протяженный и сложный для наблюдения сектор.

⁶⁴ Foust C. M. Muscovite and Mandarin. P. 97; Dabringhaus S. Grenzzone im Gleichgewicht: China und Rußland im 18. Jahrhundert // Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit: Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt / Ed. R. G. Asch, W. E. Voß, M. Wrede. Munich: Fink, 1999. S. 579–580; Kim L. E. Marginal Constituencies: Qing Borderland Policies and Vernacular Histories of Five Tribes on the Sino-Russian Frontier. PhD dissertation: Harvard University, 2009. P. 150.

⁶⁵ Kim L. E. Constituencies. P. 143–149, 190–191. См. также: Hulunbei'er zhilüe. 1924 / Ed. J. Zhang. Hailar: n. p., 2003. P. 71, 107; Xu Sh. Dongsansheng zhenglüe. 1911. Changchun: Jilin wenshi chubanshe, 1989. P. 352–353; Heilongjiang zhigao / Ed. F. Wan // Hei shui congshu, Harbin: Heilongjiang renmin chubanshe, 1992. № 1. P. 1149–1151, 1458–1474 passim.

тив казачьей слободы Староцурухайтуй, например, во многом походил на первые караулы⁶⁶, созданные полтора столетия назад. В 1898 году он состоял из семи юрт и был укомплектован одним дежурным офицером, его заместителем и тридцатью шестью солдатами, при этом постоянно на посту находились только восемь-десять военнослужащих. Смена войск по-прежнему осуществлялась каждые три месяца. Часовые снабжались жильем в юртах и оружием. Помимо скромной платы, за каждые три месяца службы караульные получали по две плитки спрессованного чая. Караульные войска не обеспечивались униформой, русские отмечали, что «каждый ходит, в чем хочет»⁶⁷.

Организация российского пограничного контроля была похожа, но не полностью повторяла китайскую модель. Территориальная экспансия России на восток требовала создания органов, которые одновременно бы и обеспечивали усиление границы, и способствовали присутствию гражданского населения, необходимого для экономического развития недавно присоединенных территорий. Привлечение казачьих войск позволяло достигнуть обеих этих целей. Основные обязанности казаков включали защиту фронта, содержание караульных постов, поимку беглецов, обеспечение безопасности российской экономической деятельности, а также контроль коренного населения. Особенно на протяжении XVIII века, когда казаки в основном не были этнически русскими, это также означало столкновения между казаками-бурятами и неслужилыми бурятами⁶⁸.

После подписания договора в 1728 году на забайкальском фронтире был установлен тридцать один караульный пост, каждый из которых был обращен к монгольским и маньчжурским постами (калуням) на другой стороне границы⁶⁹. Каждый караульный пост должен был насчитывать от пяти до десяти юрт и был укомплектован представителями коренных народов – хори-бурятами на западных участках фронта и эвенками (тунгусами) – на востоке. Задача приграничного патрулирования была возложена на двух только что назначенных инспекторов: один для восточного участка, другой – для участка западнее Кяхты. Каждое лето оба инспектора должны были объезжать свои участки для поддержания демаркационных знаков в надлежащем состоянии, проверки работы местных караулов и поимки беглецов⁷⁰.

Впоследствии были открыты дополнительные караулы, и к началу XIX века общее их число достигло семидесяти пяти, таким образом, расстояние между ними уменьшилось и составило примерно пятьдесят километров. Помимо пограничных постов были воздвигнуты укрепления – сначала вдоль западного участка и затем, между 1764 и 1773 годами, и вдоль восточного участка. Застава Новоцурухайтуй, расположенная на грунтовой дороге между Нерчинском и Цицикаром, например, была создана для защиты среднего течения Аргуни. Однако в условиях открытой степи такие укрепления с легкостью могли быть обойдены⁷¹.

Пополняясь за счет местного набора среди коренных племен и привлечения сил из западного Забайкалья и других районов, казачьи полки росли медленно. Только начиная с 1770-х годов русские казаки начали переводиться из укрепленных застав на караульные посты вдоль фронта, постепенно заменяя автохтонные отряды⁷². Значительно позже, уже в последние

⁶⁶ Слово «караул» родственно бурятскому слову «харуул», что означает «охранный» или «сторожевой пост».

⁶⁷ *Манакин М.* Описание пути от Старо-Цурухайтуевского караула до г. Благовещенска, через города Мерген и Аигун // Записки Читинского отдела Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Чита: Тип. Торгового дома Н. А. Батмаев и Ко. 1899. Вып. 3. С. 4.

⁶⁸ Как и на китайской границе, фактическое присутствие казачьих войск было незначительным. Во всем Забайкалье в 1725 году их численность составила всего 891 человек: *Васильев А.* Забайкальские казаки. Т. 1. С. 227; Т. 2. С. 1–8. Общая история казаков в Российской империи описана в: *O'Rourke Sh.* The Cossacks. Manchester: Manchester University Press, 2007.

⁶⁹ На маньчжурском карун.

⁷⁰ *Foust С. М.* Muscovite and Mandarin. P. 82–83; *Васильев А.* Забайкальские казаки. Т. 2. С. 20–24.

⁷¹ *Васильев А.* Забайкальские казаки. Т. 2. С. 170–171. Прил. 3.

⁷² Численность казаков, служивших вдоль границы, оставалась неизменной до середины XIX века и составляла примерно 2400 бурятов, 500 тунгусов и 900 русских: *Васильев А.* Забайкальские казаки. Т. 2. С. 56–68, 106–111, 138–163, 255 в разных

годы цинского правления, на китайской стороне правительство заменило патрули из коренных жителей на хань-китайские войска. Доля казачьего населения, участвовавшего в непосредственном патрулировании фронта, оставалась низкой. Только 446 русских и 499 тунгусских казаков в 1842 году служили на цурухайтуйском пограничном участке протяженностью в две тысячи километров. Казаки на этом участке были прикреплены к трем заставам и распределены между тридцатью четырьмя постоянными и тринадцатью временными караульными постами. В среднем население постоянных караульных постов насчитывало 285 человек. Непосредственно на посту в каждом из них находилось от восьми до тринадцати русских казаков и от десяти до четырнадцати тунгусских казаков⁷³.

Устав «Об управлении инородцев» 1822 года впервые в истории ввел верховенство закона в Сибири. Он кардинально изменил всю административную систему и закрепил за коренным населением подчиненный политический статус с ограниченным самоуправлением, в основе которого лежала родовая и территориальная принадлежность. Устав также изменил структуру управления казаков Забайкалья. Теперь, когда китайский сосед казался более предсказуемым, она приобрела скорее гражданский, а не военный характер⁷⁴.

Обязанности и компенсации за службу казаков и китайских караульных были немного похожи. Русские рекруты, служившие 25 лет, получали шесть рублей в год, оружие и обеспечивались едой, однако экономика самообеспечения была основой их выживания. Государство способствовало самоснабжению, выделяя землю под казачьи станицы и селения. Таким образом, казаки в то время выполняли две государственные задачи: обеспечивали защиту фронта и содержание дорог, а также занимались сельским хозяйством для пропитания. Непогодная земля не позволяла казакам выращивать урожай на Забайкальском участке – здесь они промышляли засолкой рыбы или скотоводством.

Государственное обеспечение казаков из коренных народов было меньшим по сравнению с поддержкой, оказываемой этнически русским казакам, – они не обеспечивались продовольствием. Главным стимулом службы для всех автохтонных казаков было освобождение от выплаты ясака и получение земли, пригодной для сельского хозяйства и выпаса скота. Буряты, не состоявшие в казачьих войсках, были вытеснены с этих зачастую плодородных земель, что вызывало их недовольство. Буряты-казаки были значительно богаче неслуживых бурят и относились к ним снисходительно. Казаки хори-буряты по сравнению с тунгусами находились в экономически более благоприятном положении. Буряты промышляли степным кочевым скотоводством на юге, тогда как эвенки полагались на охоту в лесах дальше на севере, а это было менее надежным источником пропитания⁷⁵.

местах.

⁷³ Васильев А. Забайкальские казаки. Т. 2. Прил. 9, 14. Список караульных постов представлен в: *Кашин Н.* Несколько слов об Аргуни и об истинном истоке этой реки // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск: Тип. штаба войск, 1863. Кн. 6. С. 102–103.

⁷⁴ Васильев А. Забайкальские казаки. Т. 2. С. 255–257. Краткое описание реформы, составленной графом Михаилом Михайловичем Сперанским, представлено в: *Naumov I. V.* The History of Siberia / Ed. D. N. Collins. London: Routledge, 2006. P. 95–98. Последствия реформы для местного коренного населения Забайкалья обсуждаются в главе 3.

⁷⁵ Ясачные комиссии и другие государственные органы признавали негативные последствия этой политики для жизни коренного населения региона, но реформирование ее не осуществлялось: *Васильев А.* Забайкальские казаки. Т. 2. С. 255–267. Прил. 10–15.

ПОВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК: ФРОНТИРНЫЙ ОБМЕН И ОПАСНОСТИ ОБШИРНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Относительно мирное сосуществование, способствовавшее экономическому развитию имперского фронта, завершилось в середине XIX века. Если эпоха Высокого Цина, продолжившаяся с середины XVII до конца XVIII века, ознаменовалась территориальной экспансией и политическими завоеваниями, сейчас маньчжуры столкнулись с серьезной внешней агрессией и внутренними противоречиями, которые включали финансовые трудности, разногласия между различными группами населения и вооруженные восстания. Российская империя в свою очередь, оправляясь от поражения в Крымской войне, продвинулась дальше в Центральную Азию и на Дальний Восток, создав тем самым необъятный фронт с цинской империей, растянувшийся от Памира до Тихого океана.

В ходе российской экспансии на восток в 1847 году на должность генерал-губернатора Восточной Сибири был назначен Николай Николаевич Муравьев, который воспользовался столкновением маньчжуров с британскими и французскими войсками во время Второй опиумной войны и их борьбой с восставшими тайпинами и нянцзюнями. Занятость цинского правительства на других фронтах позволила осуществить Амурскую экспедицию (1849–1855), в результате которой Россия овладела крупными территориями севернее Амура и восточнее реки Уссури. Аннексия этих территорий была осуществлена на основании двух выгодных соглашений – Айгунского (1858) и Пекинского (1860), что привело к недолгой эйфории по поводу «российской Миссисипи» – реки Амур⁷⁶. Границы на картах к середине XIX века казались установленными, однако структура власти на местах продолжала меняться.

Развернувшись на восток в середине XIX века, Россия значительно изменила организацию казаков на восточной границе империи. Согласно рекомендациям генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева, которые он сформулировал в попытке провести экспансию в Амурский бассейн, в марте 1851 года было учреждено Забайкальское казачье войско. Эта новообразованная армия насчитывала 48 169 человек и состояла из казаков, в основном местных русских крестьян, но также и представителей бурятских и тунгусских народов. Значительная доля новых казаков практически сразу была направлена к новым амурским и уссурийским границам для заселения новообретенных территорий лояльными подданными. Административный характер Забайкальской области также претерпел изменения. Территории к востоку от озера Байкал превратились в обычную российскую провинцию в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве, возглавляемом военным губернатором, который заведовал гражданскими и военными делами. Позднее, в 1884 году, Забайкальская область вошла в состав Приамурского генерал-губернаторства. Таким образом, область стала частью российского Дальнего Востока и до 1906 года оставалась административно обособленной от собственно Сибири. Читинская слобода еще в 1851 году получила статус областного города и стала административным центром округа⁷⁷.

Когда в Российской империи в 1874 году был введен всеобщий воинский призыв, казацкие войска сохранили самоуправление. Несмотря на то что многие характеристики службы

⁷⁶ Paine S. C. M. *Imperial Rivals*. P. 28–106 passim; Границы Китая: история формирования. С. 95–118; Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

⁷⁷ Васильев А. Забайкальские казаки. Т. 3. С. 34–35; Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Т. 1. С. 159–160. О создании Приамурского генерал-губернаторства см. также: Matsuzato K. The Creation of the Priamur Governor Generalship in 1884 and the Reconfiguration of Asiatic Russia // *Russian Review*. 2012. Vol. 71. P. 365–390.

напоминали регулярную военную службу, существовали некоторые особенности, в частности каждый казак обязательно владел лошастью, и служба в этих войсках была дольше. Казацкие станицы в 1871 году получили определенную долю автономности и собственную администрацию, станичного атамана, а также станичный суд. Реформы приравнивали местную администрацию к российской низшей административной единице – волости⁷⁸.

Несмотря на эти реформы, традиционные способы управления фронтиром оставались по большому счету неизменными вплоть до конца XIX века. Еще в 1899 году русский военный топограф отметил, что «в былое время, назад тому лет 20, для обозначения границы собирали казаков со всех караулов и бороздили землю посредством угловатых камней: лошади гуськом в одиночку и попарно тащили по земле камни на ремнях, веревках, укрюках и получалась заметная пограничная межа. Еще и ныне местами сохранились следы таких борозд. Но главными пограничными знаками служат курганы, набросанные кучи камней выше роста человека, по две вместе, по сторонам пограничной межи»⁷⁹. Российское управление фронтиром на Аргуни изменилось мало, а китайский берег, возможно, изменился в еще меньшей степени. Несмотря на все это пополнение, войска были слишком сильно растянуты вдоль границы и не могли осуществлять контроль, необходимый для воспрепятствования кражам скота, контрабанде и другим нарушениям. Недостаточно укреплена была граница и для обеспечения соблюдения территориальных соглашений, которые препятствовали местным жителям и другим нарушителям переходить границу с целью выпаса скота, заготовки древесины и сенокоса на противоположном берегу реки.

Несмотря на то что, на первый взгляд, цинская и романовская политика пограничного контроля казалась достаточно похожей – обе стороны устанавливали караулы на интервалах примерно в 50 километров, можно отметить как минимум одно важное различие. Китайские караульные посты в Хулун-Буире к концу XIX века все еще были укомплектованы монгольскими знаменными войсками. Посты состояли только из юрт, где проживало и несколько гражданских лиц. Однако на забайкальской стороне караульные посты превратились в обычные казацкие селения, в основном населенные этническими русскими, говорившими на русском языке, крещеными и остававшимися проводниками русской культуры, даже несмотря на некоторое смешение с коренными народами и приспособление к жизни в степи. Граница была практически невидима и слабо соблюдалась, однако фактическое присутствие людей во фронтире явно говорило о российском превосходстве.

Территориальные приобретения на реках Амур и Уссури в 1850-х годах еще сильнее увеличили протяженность и без того обширной российско-китайской сухопутной границы, еще более усложнив контроль фронта. Очевидная невозможность его полноценного осуществления заставила российское правительство реформировать таможенный надзор на востоке. В 1862 году главное таможенное управление Сибири было перенесено в Иркутск. Весь Дальний Восток (включая Забайкалье) был объявлен зоной свободной торговли. Импортные товары и продукты, произведенные на российском Дальнем Востоке, сейчас могли проходить таможенно на озере Байкал. Основным российским приобретением в результате подписания Айгунского и Пекинского договоров стало получение русскими права торговать в цинской империи, что позволило им наконец вступить в конкуренцию с китайцами, в том числе с могущественными чайными компаниями. Русские торговцы в Монголии также могли теперь привозить в Сибирь большие караваны скота, мяса, шерсти и тому подобного. Региональная специфика отразилась в новой системе – обширная территория была малонаселена и экономически мало значима для метрополии. Новый финансовый режим еще сохранял элементы протекционизма, так

⁷⁸ Азиатская Россия: Издание переселенческого управления. С. 370–376; Эпов Н. И. Забайкальское казачье войско. С. 9–19; Васильев А. Забайкальские казаки. Т. 3. С. 169–175.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 404. Оп. 2. Д. 444. Л. 109–122, цитата на л. 121 об. – 122.

как российское государство ввело некоторые ограничения на импорт таких товаров, как табак, чай и сахар, на которые существовал налоговый сбор. Импорт алкогольных напитков был вообще запрещен⁸⁰.

Староцурухайтуй – второй официальный торговый пункт во фронтире – обрел значение только после присоединения к России амурских и уссурийских территорий и объявления свободной торговли в регионе. Русские торговцы начали пересекать Хулун-Буир, горы Большого Хингана и Маньчжурскую равнину, больше не ограничивая торговлю с китайцами и монголами лишь приграничными территориями. Староцурухайтуй также превратился в начальный пункт перегонки скота из Забайкалья на амурские и уссурийские территории. Князь Петр Алексеевич Кропоткин – выдающийся русский географ, путешественник и теоретик анархизма – был одним из первых, кто проехал по этому новому маршруту, перегоняя скот через китайскую территорию. Когда его караван достиг Староцурухайтуя в мае 1864 года, монгольские караульные с другого берега реки проверили скот и товары на российской территории и запросили разрешения на проезд у амбана в Хайларе. Кропоткин описал этот опыт: «Осмотр на китайской границе оказался снисходительнее европейского. Нам на слово поверили, что нет запрещенных товаров, записали число тюков, вписали все с возможной подробностью в наши билеты... и списали для себя копию, которая, как оказалось впоследствии, везде опережала нас по дороге»⁸¹. Поголовье домашнего скота, перевозимого из Восточного Забайкалья в Дальневосточные районы России через китайскую территорию, постепенно увеличивалось. Другой русский путешественник во время визита в Староцурухайтуй в последние годы XIX века заметил на берегу реки баржу на сотню пассажиров, два плота вместимостью 20–30 человек и около пятнадцати лодок, каждая из которых была рассчитана примерно на десять человек⁸². Несмотря на то что торговцы и сопровождающие лошадей и скот люди должны были иметь паспорта и разрешение китайских властей, обычно им позволялось пройти свободно⁸³.

Согласно новым правилам свободной торговли, введенным в 1862 году, внутри полосы, простиравшейся на пятьдесят верст вширь от обеих сторон границы, допускалась неофициальная приграничная торговля⁸⁴. Только товары, вывозимые за пределы этой зоны, должны были регистрироваться на казацких постах. Три казацких селения в верховьях Аргуни составили ядро местной торговли внутри приграничной зоны: Абагайтуй, Староцурухайтуй и Новоцурухайтуй. Однако на деле значительная доля торговли осуществлялась за пределами этих караульных постов. Находящийся за пределами этой зоны маньчжурский гарнизонный город Хайлар был одним из тех мест, где местные русские обменивали скот на различные товары, например крупу и ткани. Оценить объем легально импортируемых товаров не представлялось возможным, так как казаки не предоставляли необходимой для этого документации. Свободная торговая зона, таким образом, создавала лазейку для бесконтрольной перевозки товаров через российско-китайскую границу⁸⁵. Режим свободной торговли, установленный российским

⁸⁰ *Беляева Н. А.* От порто-франко к таможене: Очерк региональной истории российского протекционизма. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 9–37; *Qvested R. K. I.* «Matey» Imperialists? The Tsarist Russians in Manchuria, 1895–1917. Hong Kong: Centre of Asian Studies, University of Hong Kong, 1982. P. 74–77.

⁸¹ *Кропоткин П. А.* Две поездки в Маньчжурию в 1864 году князя П. Кропоткина // Записки сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск: Тип. штаба войск, 1865. Кн. 8. С. 2–6. Цитата на с. 6; *Хилковский Н.* Путевая записка о поездке в китайский город Хайлар // Записки сибирского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск: Тип. штаба войск, 1865. Кн. 8. С. 149–150.

⁸² *Манакин М.* Описание пути. С. 5.

⁸³ Например: *Бутин М. Д.* Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тянь-дзинь. Иркутск: Тип. Н. Н. Синицына, 1871. С. 40–45. Однако даже в конце 1880-х годов получению разрешения на пересечение китайской территории предшествовала продолжительная переписка между китайскими и российскими чиновниками. См., например: РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 695. Л. 2–5.

⁸⁴ Верста – единица измерения длины, равная примерно 1,067 км.

⁸⁵ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 356. Л. 18–19; Таможенная политика России на Дальнем Востоке, 1858–1917 / Сост. Н. А. Беляева. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2003. С. 13–17; *Беляева Н. А.* От порто-франко к таможене.

государством на азиатских границах, открыл для местных жителей большие возможности развития экономических сетей и позволил фронтиру жить собственной жизнью.

Существование такой традиционной фронтальной экономики становилось особенно очевидно на Ганьчжурской ярмарке – основном торговом центре кочевников. Ярмарка проводилась в 175 километрах от Хайлара на юго-западе Хулун-Буира, на единственной дороге, ведущей на север в Забайкалье. История ее восходит к началу XIX века, когда караваны китайских торговцев из Пекина и от озера Буйр-Нуур двигались через Внутреннюю Монголию в Хулун-Буир. Двигаясь от озера Буйр-Нуур в Хайлар, они проходили мимо важнейшего ламаистского храма и монастыря в Хулун-Буире. Построенный во время правления императора Цяньлуна в 1784 году Ганьчжурский монастырь постепенно приобретал значимость и, разрастаясь, вскоре мог разместить уже несколько сотен монахов.

Каждый год осенью степь оживала. Монголы оставляли свои летние пастбища и двигались тысячами колоннами по степным дорогам для совершения богослужения в Ганьчжурском монастыре. Духовный центр также стал местом получения прибыли для китайских торговцев. В сентябре в сезон паломничества они устанавливали свои лавки у монастыря – так появлялись оживленные базары. Кажущийся мир без границ позволял караванам из северного Китая и самых отдаленных уголков Монголии, а также Забайкалья, Амура и Приморья стекаться к «монастырю вечного мира» для участия в ярмарке, длящейся от пяти до семи дней. Это место становилось центром торговли между кочевниками из Халхи, Хулун-Буира и территорий восточнее Большого Хингана, и, хоть и в меньшей степени, между русскими и китайскими торговцами. Монастырь к 1870-м годам более не мог вместить все увеличивающееся число торговцев – участников ярмарки. Поэтому ярмарка была перенесена примерно на пять километров в сторону, создав обширный степной лагерь, который занял территорию диаметром до трех километров. Ярмарка была поделена на китайские и русские торговые ряды, включала рынок лошадей и была окружена юртами различных знамен, жильем ярмарочной администрации, столовыми и так далее⁸⁶.

Рост межграницных экономических связей был замечен и на других участках российско-китайского фронта, например в приаргунских селах примерно в 1900 году торговля осуществлялась во время ежегодных летних ярмарок подобных той, которую Агатон Гиллер описал еще в середине XIX века. Эти базары, как и ярмарка у Ганьчжурского монастыря, были зонами контакта между культурами. Жители Абагайтуя, например, общались с жителями другого берега реки и более отдаленных районов, осуществляя «порядочную торговлю скотом и сырьем с китайцами и дунганями, ежегодно съезжавшимися из Цицикара и Хайлара к русской границе и образовавшимися своими возами, палатками, юртами и шалашами довольно значительный табор-ярмарку»⁸⁷.

Такой оживленный обмен был возможен, потому что порядок перехода границы через такие караульные посты, как Староцурухайтуй, не сильно изменился. Проверка документов и грузов жителей пятидесятиверстной зоны не проводилась. Путешественники издалека, если они вообще встречали караульных, проходили поверхностную проверку, которая при этом могла занимать много времени, как заметил один из путешественников – получение разрешения и назначенных проводников от амбана в Хайларе потребовало пару дней⁸⁸. Таким образом, вплоть до XX века система перехода границы оставалась неповоротливой, бюрократически громоздкой, а иногда и опасной. Пересечение фронта до его модернизации было

С. 89–98; Описание Маньчжурии / Ред. Д. Позднеев. С. 550–552.

⁸⁶ Кормазов В. А. Барга. С. 95–103; Третьяк И. А. Дневник путешествия вокруг Хингана (результаты командировки в 1908 и 1909 гг.) // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. 1912. Т. 8. Вып. 1. С. 33–43. Очень насыщенное описание монастыря и ярмарки представлено в: Стрельбицкий И. И. Отчет о путешествии. С. 224–227.

⁸⁷ По реке Аргуни // Харбинский вестник. 1903. 14 окт. С. 2.

⁸⁸ Манакин М. Описание пути. С. 4–5.

возможно только верхом на мулах, верблюдах, лошадях и с использованием других традиционных средств передвижения по грунтовым дорогам, построенным когда-то казаками. Три дороги на китайской территории связывали Хайлар и вели в Староцурухайтуй, Кайластуй и Абагайтуй⁸⁹. Следующая глава продемонстрирует, как вскоре этот устаревший транспорт и система обмена товарами с наступлением эпохи железных дорог канут в лету.

⁸⁹ Описание Маньчжурии / Ред. Д. Позднеев. С. 371–372; *Стрельбицкий И. И.* Отчет о путешествии. С. 227–230.

ХАЙЛАР И АБАГАЙТУЙ: ДВА ОЧЕНЬ РАЗНЫХ СТЕПНЫХ ФРОНТИРНЫХ ПОСЕЛЕНИЯ

Различия в повседневной жизни на китайском и российском берегах реки Аргуни, отразившиеся в разнице экономического развития, этнической политики и содержания фронта, наиболее ярко видны в сравнительных портретах поселений на общей границе. В последней части главы мы посетим Хайлар и Абагайтуй – два противоположных участка смежной зоны между империями.

Даже в конце XIX века сложно говорить о какой-либо форме оседлого сообщества в Хулун-Буире. Единственным значимым исключением был маньчжурский гарнизонный город Хайлар. Расположенный на реке Имин – притоке реки Хайлар, примерно в ста километрах на восток от аргунской границы, этот пыльный городок с населением от одной до полутора тысяч китайцев был единственным постоянным поселением между Цицикаром и Ургой (позднее Улан-Батор).

Когда Иван Иванович Стрельбицкий – офицер Российской армии и член Приамурского краевого отделения Русского географического общества, посетил эти места в 1894 году, городок произвел на него довольно удручающее впечатление:

Снаружи Хайлар представляет однообразно серую массу сырцовых лачуг, и хотя на двух выходах устроены большие ворота в китайском стиле с неизбежными павильонами наверху, но это нисколько не скрашивает общего, крайне унылого вида... Внутренний вид вполне отвечает тому впечатлению, которое слагается при первоначальном обзоре: ряд низких одноэтажных мазанок занимает обе стороны улицы, украшенной в двух местах деревянными арками. Эта улица образует, собственно говоря, базар: по обе стороны, из дверей, выдвинуты кверху длинные шесты, на которых качаются подвешенные всевозможные предметы, изображающие торговые атрибуты хозяина лавки и, как во всем Китае, заменяющие наши вывески... Гораздо привлекательнее вид загородной части Хайлара, между рекой и высотами левого, нагорного берега. В этом месте... кирпичная монгольская кумирня обыкновенной пестрой, затейливой китайско-тибетской архитектуры, далее – ямунь и, наконец, жилища амбана и его служащих; кроме того, в версте от города, вниз по реке, расположена китайская пагода, окруженная кладбищем для временного упокоения тех китайцев, которые ожидают, пока близкие люди соберутся перевезти прах их на родину, в застенный Китай⁹⁰.

Более ранние описания Хайлара во многом созвучны. Конезаводчик Николай Александрович Хилковский по результатам посещения города в 1862 году оставил такое описание его жителей, которые состояли из «временных купцов (не имеющих при себе семейств), китайцев, живущих в 55 домах с товарными лавками, расположенными... в одну улицу»⁹¹. Пусть даже заселенный регулярно выезжающими в родные места китайскими торговцами и ремесленниками, в преимущественно кочевом окружении Хулун-Буира Хайлар был единственным значимым населенным пунктом, в котором проживали этнические хань-китайцы.

⁹⁰ Стрельбицкий И. И. Отчет о путешествии. С. 211–216. Цитата на с. 214–215. Существуют данные, что население состояло в основном из хань-китайцев и насчитывало до двух тысяч человек, см.: Домбровский А., Ворошилов В. Маньчжурия. СПб.: Тип. Н. В. Васильева, 1897. С. 26.

⁹¹ Хилковский Н. Путевая записка. С. 151–152. Цитата на с. 151. См. также: Описание Маньчжурии / Ред. Д. Позднеев. С. 303–304.

Большее число поселений было на русской стороне аргунского фронта, однако ни одно из них не было таким крупным, как Хайлар. Казацкое село Абагайтуй, расположенное на самой южной точке реки Аргунь, было основано вскоре после демаркации границы. В 1759 году в Абагайтуйе в землянках и юртах проживали только тридцать пять тунгусов и двадцать две лошади. Число жителей увеличилось до 582 в 1883 году и в 1912 году достигло 959 человек. Оставаясь чисто казацким селением, половина населения которого была младше шестнадцати лет, оно быстро росло⁹². Степное население росло вплоть до революции 1917 года, что отчасти объясняется трансформацией казацких поселений на протяжении последней половины XIX века. Преведняя двойственная роль населения как караульных и крестьян с течением времени сместилась в пользу последней. Эта тенденция отразилась на впечатляющих показателях поголовья скота. Согласно статистическим данным, на 714 жителей Абагайтуйа в 1895 году приходилось 3327 лошадей, 3762 единицы крупного рогатого скота, 10 254 овцы, 2122 козы и 94 верблюда⁹³

⁹² *Васильев А.* Забайкальские казаки. Т. 2. С. 146 (за 1759 год); Материалы для статистики населения в Забайкальском казачьем войске, собранные из данных, доставленных переписью произведенной 1-го января 1883 года. Чита: Забайкальск. обл. тип., 1884. С. 7 (за 1883 год); Отчет о состоянии Забайкальского казачьего войска за 1912. Чита: б. и., 1913. С. 132–133 (за 1912 год). Только 18 жителей в 1912 году не были отнесены к казакам.

⁹³ *Крюков Н. А.* Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895. С. 142–143.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.